

ЦЕНА НА БОЛЬ

НАУЧНО-ФАНТАСТИЧЕСКИЙ ТРИЛЛЕР

VICTOR D. STAHL

VICTOR STAHL

Цена на боль

<https://litres.ru/73868326>

SelfPub; 2026

Аннотация

Что, если болезнь можно не лечить — а просто обменять на другую?

Эндрю Блейк, научный сотрудник одной из ведущих лабораторий Стэнфорда, работает над программой, которая меняет само представление о медицине. То, что ещё недавно казалось фантастикой, уже становится реальностью.

Но чем глубже он погружается, тем яснее: в системе что-то не так. Вместе с детективом Мейей он начинает распутывать цепочку событий.

И остаётся вопрос: если ты отдаёшь кому-то свою болезнь — что получишь взамен?

Научно-фантастический триллер о границах дозволенного, человеческих взаимоотношениях и моральном выборе.

Содержание

Посвящается	4
Благодарности	5
Примечание	6
Пролог. Контракт D37	7
Глава 1. Обмен	20
Глава 2. Голос толпы	26
Глава 3. Домашние мелочи	34
Глава 4. Аномалии	42
Глава 5. Вызов	50
Глава 6. Встреча	53
Глава 7. Осенние листья	58
Глава 8. Назначение	61
Глава 9. Гость из муниципалитета	67
Глава 10. Зона доступа	74
Глава 11. Трещина	79
Глава 12. Эмма	83
Глава 13. Наблюдательный блок	86
Глава 14. Не значитя	90
Глава 15. Закон сохранения	94
Глава 16. Допуск	100
Конец ознакомительного фрагмента.	101

VICTOR STANL

Цена на боль

Посвящается

Моему любимому человеку, который терпеливо и бережно поддерживал меня на протяжении всей работы над этим романом.

И всем тем, кто идёт вперёд, несмотря на трудности и сомнения, кто делает честный выбор, сохраняет в себе человечность и остаётся равнодушным.

Благодарности

Моему другу детства — первому читателю этого романа, чья преданность и искренность бесценны.

Моему давнему другу, врачу и эксперту в области генетики — за профессиональную помощь.

Моему новому другу — за поддержку и веру в меня.

Примечание

Все персонажи и события, описанные в книге, являются вымышленными. Научные и медицинские описания носят художественный характер и не претендуют на научную точность или достоверность.

*Когда знания растут,
а мудрость не поспевает за ними,
рождается опасность.
в духе Лао-Цзы*

Пролог. Контракт D37

Томас Седрик сидел в холодном сером кабинете с пустыми стенами и с видом на безупречно выстриженные газоны перед зданием. Холодный воздух из кондиционера пробирался под кожу. Кресло было удобным, но Томас чувствовал себя неуютно в этом безжизненном месте. Он незаметно оглядел кабинет, и взгляд остановился на лежащем перед ним планшете. На экране светилась эмблема Департамента Обмена Болезнями: две переплетённые змеи, пожирающие друг друга.

Агент, сидящий напротив, мужчина средних лет, с идеально выверенной осанкой и пронзительным взглядом, приветливо ему улыбался. Его манеры были настолько отточенными, что казались неестественными.

— Всё просто, мистер Седрик, — начал он, слегка наклонив голову. — Вы подписываете контракт, мы проводим процедуру, и ваша болезнь перестаёт быть вашей. Разумеется, взамен вы получите чужой недуг. Но ведь вы этого и хотите, не так ли? Избавиться от бремени?

Томас отвёл взгляд и машинально переплёл пальцы, чтобы скрыть дрожь в руках.

— Я должен знать всё. Детали. Риск. И что будет, если я передумаю.

— Разумеется, — агент одобрительно кивнул, словно та-

кие вопросы были ожидаемы. — Давайте начнём с главного, мистер Седрик, — он коснулся экрана планшета, лежащего перед ним, и над столом между ними развернулась голограмма. — Я объясню вам все возможные варианты. Учитывая ваш случай, время имеет ключевое значение.

Томас не ответил. Он не был уверен, что хочет услышать. Но решение уже было принято, так что отступать было поздно.

— Итак, у нас есть несколько методов обмена, — начал агент, — каждый из них имеет свои преимущества, риск и стоимость.

Перед Томасом замелькали строки, названия заболеваний и их краткие описания, выстроенные в чёткую структуру.

— Категория первая: генетический уровень обмена.

Агент чуть подался вперёд и коснулся сенсорной панели. Перед ними вспыхнула модель ДНК, двойная спираль медленно вращалась в воздухе, отбрасывая мягкие отблески на стеклянную поверхность стола.

— На генетическом уровне мы определяем биологические пути, связанные с заболеванием, и используем их, чтобы перенести его в организм совместимого донора, — сказал агент, делая короткий, точный жест в сторону вращающейся модели. — Процесс основан на технологиях редактирования генома, в частности на системе CRISPR.

Томас моргнул, будто смысл сказанного не сразу до него дошёл. Он слегка нахмурился, затем осторожно повторил

слово, словно пробуя его на вкус:

— CRISPR...?

Он поднял глаза на агента. В них мелькнуло замешательство.

— Что это, если точнее?

Агент едва заметно улыбнулся. В этой улыбке уже не было прежней демонстративной уверенности, только лёгкая, почти незаметная снисходительность.

— Это высокоточный инструмент редактирования генома. Он позволяет находить и точно корректировать отдельные участки ДНК.

Он сделал короткую паузу, будто решая, насколько глубоко стоит вдаваться в объяснения.

— В нашем случае мы используем его, чтобы получить доступ к биологическим механизмам, связанным с заболеванием, и сделать возможным сам перенос.

Он говорил спокойно, почти буднично, словно описывал банковскую операцию.

— Преимущество в высокой точности вмешательства и его долгосрочной стабильности.

Томас нервно сглотнул. Во рту пересохло, будто он слишком долго молчал. Он всё ещё смотрел на вращающуюся спираль ДНК, но затем уловил своё отражение в стеклянной поверхности стола и на мгновение отвёл взгляд.

— То есть... её полностью убирают из организма?

Выражение лица агента едва заметно изменилось, стало

чуть острее. Похоже, именно этого вопроса он и ждал.

— Болезнь не исчезает, — спокойно ответил он. — Она передаётся. Вы избавляетесь от своей, но получаете взамен другую, от донора. Это обмен.

В комнате повисла тяжёлая пауза. Томас молчал, переваривая слова агента. Через несколько секунд, агент добавил:

— Срок ожидания составляет от шести до двенадцати месяцев. Требуется тщательный подбор донора по параметрам совместимости.

Он сделал едва заметное движение, и на экране изменилась схема, теперь это были клетки крови.

— Категория два: иммунологический перенос. В этом случае используются модифицированные клетки донора. Мы, по сути, перенастраиваем иммунную систему.

Томас провёл рукой по лбу. Пальцы стали влажными, и он быстро убрал их, словно это мог кто-то заметить.

— Метод подходит для хронических состояний. Быстрее и доступнее.

Агент чуть наклонился вперёд.

— Насколько быстрее?

— От одного до трёх месяцев.

Он сделал небольшую паузу, прежде чем добавить:

— Возможны временные побочные эффекты: ослабление иммунитета, аутоиммунные реакции. В редких случаях — необходимость повторной коррекции.

Томас сглотнул ещё раз. Слова агента звучали спокойно,

но внутри всё сжималось. Воздух в комнате казался слишком неподвижным.

— Если мне нужен более срочный вариант?

Агент кивнул, словно переход к этому вопросу был неизбежен.

— Тогда мы рассматриваем третью категорию.

Он слегка развернул проекцию к Томасу, как будто приглашая заглянуть глубже.

— Категория три: нанотехнологический обмен.

— Используются программируемые наноструктуры, которые избирательно связываются с поражёнными клетками и переносят патологический материал.

Томас на секунду закрыл глаза, потом снова посмотрел на экран.

— Переносят...

— Да. Это один из самых универсальных методов, особенно при инфекционных и вирусных заболеваниях.

— Время?

— До месяца. Приоритетный подбор — быстрее.

Агент впервые чуть замедлил речь:

— Основной риск — возможность изменения поведения заболевания в процессе передачи. Биология не всегда ведёт себя предсказуемо.

— Категория четыре: вирусный перенос. Создаётся вектор — модифицированный вирус, который переносит заболевание от одного пациента к другому.

Томас нахмурился. Он провёл языком по пересохшим губам. Он на мгновение отвлёкся. Его взгляд остановился на чашке на краю стола, выглядевшей нелепо ordinarily на фоне вращающихся схем.

— Звучит... опасно.

— На самом деле, это самый быстрый метод. Около сорока восьми часов.

Агент не стал смягчать следующую фразу:

— Но и наименее предсказуемый.

Он сделал паузу, как будто переходил к теме, которую лучше подавать осторожно.

— Пятая категория, так называемый культурный обмен. Болезнь передаётся добровольным участникам из регионов с ограниченным доступом к медицинским ресурсам.

Он сделал короткую паузу, словно пытаясь обратить внимание Томаса на эту категорию.

— В медицинском смысле это обмен заболеваниями с разной степенью клинической значимости для разных популяций.

Томас не сразу ответил. Он отвёл взгляд от чашки, пытаясь вернуть своё внимание к тому, что говорил агент. Информации было слишком много, и он поймал себя на том, что уже не в силах её охватить.

Агент смотрел на него внимательно, почти изучающе, оценивая его состояние.

— Мы предлагаем условия, от которых сложно отказаться-

ся, — тихо, почти вкрадчиво сказал он. — Давайте перейдём к условиям контракта.

— Первое: стоимость увеличивается втрое, если заболевание находится в активной стадии. Поэтому в вашей ситуации лучше не тянуть.

Томас опустил взгляд на цифры. На мгновение они расплылись перед глазами.

— В вашем случае это ранняя стадия потери зрения, — успокоил его агент.

Томас сжал пальцы.

— Но, если бы процесс был запущен... — агент чуть пожал плечами, — найти донора было бы значительно труднее. И согласие — тоже.

— Второе: страховое покрытие. Десять процентов от стоимости — на случай осложнений или необходимости дополнительного лечения.

Агент сделал короткую паузу.

— И третье.

Он посмотрел прямо на Томаса.

— Контракт необратим.

— А что, если я передумаю? Если захочу вернуть свою болезнь?

Агент внимательно посмотрел на него.

— Невозможно. Возврат болезни означал бы вред донору. Представьте, что кто-то решит забрать болезнь обратно после передачи. Это будет равносильно убийству.

— А если контракт аннулируется? — уточнил Томас.

— Единственная возможность расторжения контракта — смерть донора или клиента. В таком случае процедура считается завершённой.

Томас почувствовал, как его ладони вспотели.

— Вы серьёзно? Даже если что-то пойдёт не так?

— У нас есть страховка для таких случаев. Её стоимость составляет десять тысяч долларов, как указано в предыдущем пункте. Но даже она не гарантирует возвращения, а лишь компенсирует расходы на медицинские услуги.

Томас глубоко вдохнул, словно пытаясь заполнить образовавшуюся внутри пустоту.

— А что, если новый недуг окажется хуже? — наконец спросил он.

Агент улыбнулся.

— Вы можете выбрать. Мы предоставим вам несколько вариантов из нашей базы. Вот, взгляните.

Он провёл пальцами, и перед Томасом высветились строки с названиями болезней и краткими описаниями:

— Диабет второго типа. Риск осложнений средний.

— Астма. Тяжёлое течение.

— Хроническая мигрень.

Взгляд Томаса остановился на одном из пунктов: «Грипп. Острая форма, с высокой температурой». Ему показалось, что это самое лёгкое из всего списка.

— Это возможно? — спросил он, показывая на строчку.

Агент кивнул.

— Грипп — один из самых популярных запросов. Особенно для обменов с менее обеспеченными регионами.

Он наклонился ближе, понизив голос:

— Вы удивитесь, но там этот вирус до сих пор считается смертным приговором. На некоторых островах люди умирают даже от осложнений простуды, мистер Седрик. Для них получить компенсацию и избавиться от «смертельной» болезни — почти чудо.

— Кроме того... — он едва заметно улыбнулся, — деньги. Компенсация составляет до пятидесяти процентов от стоимости процедуры.

Томас почувствовал укол совести, но быстро заглушил это чувство. Это был его шанс. Он имел право.

Он молчал. Его правая рука дрожала, хотя в комнате не было ни малейшего сквозняка.

Три года борьбы с диагнозом, от которого все врачи лишь разводили руками. Три года бессонных ночей и ложной надежды. Начальная стадия пигментного ретинита. Болезнь, которая медленно, но неотвратимо отбирает зрение. Сначала размытость по краям, затем мерцание теней. И мир начинает исчезать, как солнце за горизонтом.

Врачи говорили: десять лет до полной слепоты. Для кого-то это звучало бы как отсрочка. Для Томаса это был медленно приближающийся приговор. Теперь перед ним лежала возможность: избавиться от болезни. В обмен на что-то

другое. Возможно, более терпимое.

Он молчал.

В голове пронеслись десятки мыслей. Ему казалось, что он слышит собственное сердце.

Агент не торопил. Томас не был его первым клиентом. Он знал: одним нужно время, другим — лёгкий толчок.

Пауза затягивалась.

— Вы знаете, мистер Седрик, эта методика — настоящая революция, — наконец произнёс агент, скрестив руки и слегка подавшись вперёд. — Её разработка заняла почти два десятилетия. Всё началось с того, что несколько крупнейших университетов объединили усилия, чтобы найти способ справляться с неизлечимыми заболеваниями.

Он сделал паузу.

Томас кивнул, не поднимая глаз. В голове у него крутился один и тот же вопрос: почему нельзя просто удалить болезнь? почему нужно передавать её другому?

Агент, словно угадав его мысль, продолжил:

— В природе ничего не исчезает бесследно. Мы говорим о неизлечимых заболеваниях. Полностью безопасного способа их «уничтожения» пока не существует.

— Болезнь требует носителя. Вне организма она может вести себя непредсказуемо — мутировать, терять контроль.

Агент внимательно посмотрел на Томаса.

— Поэтому вместо попытки уничтожения учёные выбрали другой путь: перенос.

Он сделал лёгкий жест рукой.

— Так появилась технология, сочетающая генетическое редактирование и наноструктуры. Были разработаны системы, позволяющие извлекать патологические процессы с высокой точностью.

Томас поднял взгляд.

— Хорошо... если нельзя уничтожить болезнь, почему бы просто не пересадить её животному? Это же лучше, чем передавать её человеку.

Агент улыбнулся краем губ, словно слышал этот вопрос уже не раз.

— Логичный вопрос. И его рассматривали в самом начале. Но, дело в том, что человеческие заболевания тесно связаны с нашей физиологией и генетикой. Животные не могут быть стабильными носителями. Болезнь либо не приживётся, либо начнёт адаптироваться и... — агент чуть повысил голос — может превратиться во что-то гораздо более опасное. История уже показывала, к чему приводят такие переходы между видами.

Он вздохнул, набрав в лёгкие воздух, и добавил:

— Нам не нужно повторение этих сценариев. И, конечно, есть этический вопрос. Общество уже с трудом принимает обмен между людьми. Представьте реакцию, если станет известно о целенаправленном заражении животных.

Томас прищурился, обдумывая услышанное.

Агент продолжил:

— Процесс разработки был долгим. За этим стояли годы исследований. Сначала — эксперименты, затем добровольцы. Были ошибки. — Он развёл руками. — Но в итоге появилась технология, которая позволяет контролируемо переносить заболевания.

Томас замялся. Ему хотелось услышать хоть что-то обнадеживающее.

— Бывали случаи, когда новая болезнь... просто проходила?

— Да, — агент заметно оживился. — Всё зависит от иммунитета. Иногда болезнь переносится значительно легче. В редких случаях — исчезает полностью.

— Но рассчитывать на это не стоит.

Томас откинулся в кресле.

— Хотел бы вас предупредить: цены у нас высокие и доступны не каждому, — произнёс агент. — Ознакомьтесь. Это поможет вам принять решение.

Цифры мелькали перед глазами Томаса. Ни одна не была меньше пятизначной.

— Цена не проблема, — торопливо сказал Томас. — Я согласен.

— Прекрасно, мистер Седрик, — сдержанно ответил агент, пододвигая к нему планшет. — Поставьте подпись здесь. И через несколько дней вы проснётесь свободным.

Томас не сразу прикоснулся к экрану. Пальцы не слушались. Сейчас ещё можно встать и уйти. Мысль мелькнула и

тут же исчезла, как будто ей здесь не было места.

— Здесь, — спокойно напомнил агент, указав на место для подписи.

Томас кивнул, не поднимая глаз. Палец нервно скользил по гладкой поверхности экрана выводя неровные буквы. В этот момент в комнате снова что-то щёлкнуло. Агент быстро забрал планшет.

— Отлично.

Слишком быстро. Как будто всё уже было решено заранее.

Когда Томас вышел из здания, он не почувствовал облегчения. Напротив. Внутри росло смутное ощущение, что он только что продал что-то гораздо большее, чем болезнь.

Глава 1. Обмен

Ночь прошла беспокойно. Томас не мог уснуть, ворочался на кровати, а в голове крутились мысли: кто же станет его «партнёром»? Где-то на другом конце света, возможно, на маленьком острове посреди Тихого океана, человек, неизвестный и чужой, получит его болезнь. А взамен отдаст свою.

Процесс начался через два дня.

Сначала — обследование. Кровь, ДНК, повторные тесты на совместимость, уточнение параметров. Томасу казалось, что его рассматривают не как человека, а как набор данных — цифры, показатели, графики. Результаты появлялись на экране и сразу исчезали, уходя в систему, где их проверяли и сопоставляли. Ошибки здесь не допускались.

Потом — документы. Дополнительные соглашения, уточнения рисков, подтверждение согласия. Формулировки становились всё жёстче, всё точнее. Он подписывал, почти не читая. Уже не было смысла останавливаться.

Комната оказалась меньше, чем он ожидал. Почти как кабинет стоматолога — чистая, холодная, с мягким креслом и множеством приборов, соединённых тонкими кабелями.

Томаса уложили, закрепили датчики. На экране рядом начали появляться его параметры — пульс, давление, насыщение кислородом.

— Постарайтесь расслабиться, — сказал врач, не глядя на

него.

В динамиках тихо зазвучала музыка. Серенада Шуберта. Сначала он слышал её отчётливо. Затем она стала отдаляться, будто кто-то постепенно убавлял громкость. Или это происходило внутри него.

— Мы начинаем, — прозвучал голос.

Холод прошёл по руке — вводили препарат.

Томас попытался сосредоточиться на экране. Показатели слегка колебались, затем начали расплываться. Сознание будто смещалось. Он всё ещё понимал, что происходит, но уже не мог удержать мысль до конца.

Где-то рядом негромко переговаривались врачи.

— Захват стабильный.

— Фиксация есть.

— Контейнер готов.

В системе, к которой он был подключён, уже появился второй сигнал — ещё один пациент. Донор.

На экране на долю секунды вспыхнули совпадающие линии, параметры выровнялись.

— Синхронизация есть.

— Профиль захвачен.

Голос звучал спокойно, почти безразлично.

Показатели на мониторе изменились — один график словно наложился на другой, повторяя его форму.

— Передача.

Томас не понял, что именно произошло в этот момент,

но внутри возникло неприятное ощущение — будто что-то перестраивается, переписывается на более глубоком уровне.

— Фиксация... есть.

Линии на экране снова разошлись.

Мысль вспыхнула внезапно, почти панически: как это возможно? Этот человек — донор, участник... он даже не знал, как его назвать — находится где-то далеко, а передача всё равно происходит.

Он попытался удержать эту мысль, но она тут же начала распадаться. Сознание ускользало. Потом — пустота. Не боль. Именно пустота.

Музыка исчезла. Экран погас. И всё растворилось.

Он очнулся уже в другой комнате. Было раннее утро — свет едва пробивался сквозь жалюзи. Тело казалось чужим. Лёгкая слабость, головокружение, лёгкость в груди. Томас медленно сел. Прислушался к себе. И вдруг понял. Болезни больше не было.

Не было напряжения в глазах. Не было той едва заметной пелены, к которой он успел привыкнуть. Мир словно стал чётче, глубже. Он вдохнул — глубоко, жадно. Получилось. Обмен состоялся. Его захлестнула волна облегчения. Почти счастья. Всего лишь грипп. Он даже усмехнулся. Просто небольшая температура — ничего серьёзного. Несколько дней — и всё пройдёт. После трёх лет страха это казалось почти подарком. Он откинулся назад, закрывая глаза. Впервые за долгое время внутри не было тревоги.

Но к вечеру стало хуже. Сначала — кашель. Резкий, сухой. Потом — тяжесть в груди.

Томас попытался вдохнуть глубже, но лёгкие словно отказывались наполняться до конца.

Температура поднялась резко. Слишком высоко. Тело начало ломить, как при обычном гриппе, но быстрее — гораздо быстрее. Голова пульсировала болью.

Он встал, пошатываясь, сделал несколько шагов, опираясь на стену. Воздуха не хватало.

Он потянулся к стакану с водой, стоявшему на тумбочке. Рука не дотянулась. Пальцы не слушались. Комната поплыла.

Где-то за дверью слышались шаги. Голоса. Сначала приглушённые. Потом — резкие.

— Давление падает.

— Уровень кислорода?

— Быстро!

Томас уже не мог разобрать слов. Сознание ускользало. Последнее, что он услышал, прежде чем всё погрузилось в темноту, был напряжённый голос врача:

— Болезнь мутировала.

Где-то на далёком острове, среди шума волн и криков чаек, молодая женщина по имени Лилу впервые за долгие месяцы почувствовала себя живой.

Она сидела у входа в хижину, опираясь спиной о деревян-

ную стену, и смеялась. Слабость ещё оставалась, но дыхание стало ровным, свободным. Она вдохнула полной грудью и замерла, словно не веря. Раньше каждый вдох давался с усилием. Теперь — легко. Так необыкновенно легко.

— Ты в порядке? — осторожно спросил её отец.

Тано стоял чуть в стороне, не решаясь подойти ближе. В его взгляде смешались надежда и тревога.

Лилу повернулась к нему, и он вдруг понял, как давно не видел её такой лёгкой и живой.

— Я... я здорова, — произнесла она почти шёпотом.

Тано резко втянул воздух. Пальцы внезапно похолодели, будто в них разом вонзились десятки ледяных осколков. Руки ослабли, повисли вдоль тела.

— Где ты была? — спросил он глухо. — Тебя не было ночью. Ты никогда так не уходила. Что... что ты сделала?

Он сделал шаг вперёд.

— Я видел его...

Он замялся, подбирая слово.

— Железную стрекозу над рифом. Шумела так, что рыба ушла в глубину. Это они? Те люди, которые были здесь раньше? Ты к ним ходила?

Лилу на мгновение отвела взгляд, потом кивнула.

— Они прилетели ночью, — сказала она тише.

Она коснулась рукой его плеча, словно успокаивая.

— Там всё было быстро. Очень быстро. Я почти ничего не почувствовала. Только тепло... и потом стало легче дышать.

Она снова посмотрела на него, уже с нетерпением.

— А утром меня вернули.

Короткая пауза.

— И всё прошло.

Тано молчал.

— Я подписала контракт, — добавила она, чуть споткнувшись о незнакомое слово.

Он побледнел.

— Теперь у нас есть деньги, — говорила она всё быстрее, словно боялась, что её перебыют. — Тебе больше не придётся ловить рыбу по ночам, возвращаться под утро, а потом весь день стоять на рынке, чтобы продать улов. Мы купим лодку. Маленькую... или даже большую. Ты наймёшь людей. Они будут всё это делать вместо тебя. Ты будешь отдыхать. Я за всем прослежу.

Её голос дрожал от возбуждения.

Тано смотрел на неё молча, с горечью. Он понимал. Слишком хорошо понимал, что стоит за этими словами.

— Теперь всё будет по-другому, — добавила она и снова рассмеялась.

Тано опустил взгляд на её руки — тонкие, хрупкие, со сморщенными от солёной воды пальцами. Его девочка. Его маленькая девочка. Что она наделала...

Он смотрел как она радуется, а внутри у него всё сжималась от боли.

Глава 2. Голос толпы

Перед зданием муниципалитета собралась толпа. Сотни людей, вооружённых транспарантами, флагами и громкими голосами, перекрыли дорогу. Со всех сторон доносился шум, похожий на гудение рассерженного пчелиного роя. Вытянутые руки размахивали плакатами, на которых яркими красками были выведены лозунги:

«Человечество – не товар!»

«Закройте департамент смерти!»

«Нет торговле болезнями!»

У подножия здания, с высокими колоннами и массивными стеклянными дверями, стояли журналисты. Камеры ловили каждый момент. Полицейские машины с мигающими огнями стояли полукругом, образуя живую стену из офицеров в тёмно-синих униформах. Их лица оставались каменными, но глаза бегло следили за толпой.

— Закройте департамент! — выкрикивала женщина с мегафоном, взбираясь на небольшой ящик, чтобы её голос был слышен поверх шума. — Люди не должны платить за своё здоровье чужими жизнями! Это аморально! Это... это бесчеловечно!

Крики усилились. Молодые люди в разноцветных куртках размахивали своими транспарантами, прыгая на месте. Некоторые из них раздавали листовки, на которых были

изображены плачущие дети в окружении медицинских аппаратов. Один из плакатов с изображением двух переплетённых змей, как на эмблеме департамента, был перечёркнут красной линией с надписью: «ЭТИ ЗМЕИ НАС ЖАЛЯТ!».

В воздухе пахло дымом от горящих мусорных урн — группа протестующих с чёрными масками на лицах подожгла несколько контейнеров чуть поодаль. Полицейские спешно выдвигали металлические ограждения, чтобы удержать толпу на расстоянии.

Лора пробиралась сквозь людей.

Её каштановые волосы прилипли к лицу от пота, а тонкое бежевое пальто с меховой оторочкой было испачкано свежей краской с плакатов. Она держала в руках пакет с продуктами, который, казалось, становился всё тяжелее с каждым шагом. «Почему я пошла этим маршрутом?!» — мысленно ругала себя Лора, оглядывая толпу. У неё не было выбора: дом находился всего в двух кварталах от здания муниципалитета, и обойти эту бурлящую массу сейчас было невозможно.

Кто-то из протестующих толкнул её плечом, не заметив, что она вовсе не участвует в их акции. Лора едва удержала равновесие, но её пакет выскользнул из рук. Апельсины покатались по асфальту.

— Эй! — попыталась возразить она, но её голос утонул в криках толпы.

Молодой парень с растрёпанными волосами и в ярко-жёлтом шарфе подхватил её взгляд.

— Ты тоже здесь против этого ада, да? — закричал он, и не дожидаясь ответа, схватил один из апельсинов и швырнул его в сторону полицейских.

— Нет! — выкрикнула Лора, но её голос снова растворился в общем шуме.

Чуть поодаль молодой человек в сером стёганом жилете с капюшоном забрался на перевёрнутый мусорный бак. Его лицо скрывалось за капюшоном. Он с силой размахивал транспарантом, на котором крупными буквами было написано: «Мы не товар!»

— Мы заставим их нас услышать! — выкрикивал он, пытаясь удержаться на шатком баке. — Они не смогут нас игнорировать!

Но бак оказался слишком ненадёжной платформой. Когда парень переместил вес на одну ногу, металл закрипел, и бак неожиданно накренился. Он попытался устоять, но сорвался и рухнул вниз.

— А-а-а! — крик боли разорвал шум толпы.

Парень упал на бок, и те, кто стоял ближе, тут же окружили его. Он лежал, корчась от боли, держась за ногу. Лицо его искажилось, а из его рта вырвался очередной стон.

— Кто-нибудь вызовите скорую! — закричала девушка с зелёным рюкзаком, бросившись к нему. — Пропустите! Ему нужна помощь!

Толпа тут же заволновалась. — Пропустите! — кричали люди, начиная расступаться. Но ближе к заграждениям ситу-

ация осложнилась. Полицейские стояли стеной, не пропуская никого.

— Что там произошло? — спросил один из офицеров, не двигаясь с места.

— Он упал! У него, похоже, сломана нога! — кричал мужчина с плакатом. — Ему нужна скорая помощь!

Офицер что-то коротко проговорил в рацию, не меняя своей позиции.

— Это просто беспредел! — Закричал кто-то из толпы. — Они даже скорую помощь не вызывают!

Тем временем несколько человек помогли парню сесть. Его лицо было бледным, а губы сжаты от боли.

— Всё нормально, мы справимся, — сказала девушка рядом с ним, но в её голосе звучала паника.

Кто-то из протестующих вытащил телефон и начал снимать происходящее, громко комментируя:

— Вот, смотрите! Парень травмировался, а эти так называемые «защитники порядка» даже не хотят помочь! Это и есть их настоящее лицо!

Видео мгновенно начало расходиться через телефоны протестующих.

Лора, протискиваясь вперёд, оказалась в самой гуще происходящего. Она замерла на месте, глядя, как вокруг упавшего парня сгущалась толпа. Крики «Пропустите!» и «Позор!» становились всё громче.

— О чём они вообще думают? — прошептала Лора, сжи-

мая пакет с продуктами.

Она и сама не была уверена, кого имеет в виду, протестующих или тех, против кого они выступали. Её ноги казались свинцовыми, а сердце громко стучало от увиденного. Она развернулась, чтобы найти обходной путь, но дорогу снова перекрыла толпа. Люди вокруг не слушали друг друга. Только крики, гнев и растущее напряжение.

Внезапно кто-то схватил её за локоть. Лора дёрнулась, но обернулась и увидела мужчину с заросшей бородой и красным шарфом.

— Ты здесь из-за этого или просто пытаешься выбраться? — спросил он хриплым голосом.

— Мне нужно домой, — коротко ответила Лора.

— Тогда тебе лучше поторопиться. Здесь скоро станет ещё горячее.

Тем временем крики возле парня усиливались. Кто-то попытался прорваться через полицейское оцепление, но офицеры сдерживали толпу.

— Назад! — выкрикнул один из них.

— Он пострадавший! — кричала девушка с зелёным рюкзаком. — Вы что, слепые?

— Мы выполняем приказ.

Ситуация накалялась. Толпа всё больше давила на ограждения, и напряжение нарастало.

— Это не просто протест! — крикнул кто-то из середины. — Это война за нашу свободу!

«Нужно быстрее уйти отсюда», — подумала она, ускоряя шаги.

Толпа ожесточалась. У самого ограждения один из протестующих, мужчина с седыми волосами и хриплым голосом, выкрикивал:

— Эти программы убивают нас изнутри! Мы продаём человеческие души ради ложного спасения!

Толпа вторила ему. Женщина с плакатом, на котором было написано «Обмен — это рабство», протиснулась ближе к ограждению и, повернувшись к камерам, выкрикнула:

— Мы будем здесь, пока их не закроют! Никто не имеет права ставить цену на жизнь и смерть!

Полицейский в каске подошёл ближе и поднял руку, призывая толпу отступить.

— Назад! Отойдите от ограждения! — выкрикнул он.

Но протестующие не слушали. Кто-то швырнул в его сторону пластиковую бутылку с водой.

Лоре удалось продвинуться чуть дальше, но ей пришлось замереть на месте, когда группа молодых людей в чёрных капюшонах начала выкрикивать:

— Долой корпорации! Долой их грязные деньги!

Они подожгли ещё один мусорный бак. Огонь вспыхнул ярким пламенем, и Лора отшатнулась назад. Дым быстро наполнил улицу, заставив её закашляться.

Она отчаянно искала путь сквозь толпу. Вдали виднелась её улица, но казалось, что до неё добраться невозможно.

Один из протестующих, молодой парень с плакатом, увидев, как она кашляет, попытался ей помочь.

— Ты в порядке? — спросил он, но, прежде чем она ответила, его взгляд привлёк к себе офицер, приближающийся с резиновой дубинкой.

Лора покачала головой, делая знак, что ей не нужна помощь. Она заметила просвет в толпе и рванулась вперёд, чувствуя, как ноги тяжелеют от усталости.

Вдалеке послышалась сирена скорой помощи. Хотя было непонятно, как машина вообще сможет сюда проехать.

Люди вокруг не переставали выкрикивать лозунги:

— Закройте департамент!

— Человечность не продаётся!

— Мы не товар!

Лора пыталась не смотреть по сторонам. Её шаги становились всё быстрее. «Просто добраться до дома», — повторяла она про себя, как мантру.

Когда она наконец выбралась из толпы, перед глазами всё плыло. Слезы щипали глаза от дыма, а ноги подкашивались от напряжения. Лора повернула за угол и остановилась на минуту, чтобы отдышаться. Она обернулась, чтобы сориентироваться. Огромная толпа перед зданием муниципалитета больше походила на вулкан перед извержением. Полицейские начали надвигаться вперёд, чтобы разогнать протестующих. В ответ летели крики, плакаты и бутылки.

Лора понимала: это не закончится так просто. И где-то в

глубине души она знала, что, несмотря на крики толпы, этот департамент не закроют. Слишком большие деньги. Слишком много власти. И слишком много тех, кто готов заплатить чужой болью за собственное облегчение.

Глава 3. Домашние мелочи

Квартира, где жила Лора, располагалась на одном из верхних этажей нового жилого комплекса в центре города. Высокие окна выходили на площадь, где часто собирались люди. Район был удобным: рядом находились муниципалитет и основные офисы. Но теперь, когда протесты стали частью повседневной жизни, добираться домой стало сложнее. Из-за перекрытых улиц приходилось обходить целые кварталы.

Квартира была небольшой, но светлой и уютной. В гостиной стоял угловой диван с мягкими подушками, а напротив него старая, но надёжная книжная полка с книгами и коллекцией чашек, привезённых из поездок. С каждой из них были связаны свои воспоминания: Прага, Барселона, Киото. Среди книг на самом видном месте лежал любимый роман Артура, «451° по Фаренгейту» Брэдбери, который он время от времени перечитывал.

На стенах висели фотографии: их первое путешествие к Средиземному морю, где они смеются под зонтом под проливным дождём, несколько свадебных снимков, фотографии родителей. Горшки с фикусами и кактусами, гордость Лоры, украшали подоконник, а небольшой лимонный кустик добавлял квартире уюта и свежести.

Лора открыла дверь и вошла, наконец оторвавшись от внешнего хаоса.

Внутри было тихо. Просторную гостиную заливал мягкий свет приближающегося заката. Их кот Микс лежал на пушистом сером ковре, забившись под диван и обхватив лапами потрёпанную игрушечную мышь.

От привычной домашней обстановки Лоре сразу стало легче.

— Я дома! — крикнула она, снимая пальто и ставя пакет на тумбочку в прихожей.

Из кухни раздался голос её мужа:

— Я же просил тебя не таскать тяжести, Лора!

Лора закатила глаза и, сняв ботинки, прошла в комнату.

— Эта сумка совершенно лёгкая, — ответила она, заходя на кухню, где её муж Артур стоял у плиты с половником.

— Конечно, лёгкая, — проворчал он, повернувшись к ней. — Но у тебя на лице написано, что ты устала.

Артур, высокий и стройный, с лёгкой щетиной и чуть взъерошенными тёмными волосами, выглядел человеком, который больше переживал за неё, чем за себя. Его зелёные глаза внимательно изучали её лицо, пытаясь определить, насколько сильна была её усталость.

— Там просто сумасшествие. Толпа, протесты, дым... Я чуть не застряла. — Она сняла тонкий свитер и бросила его на спинку стула.

Артур тут же подошёл к ней, обнял и подобрал свитер.

— Ты знаешь, я не люблю, когда ты так делаешь, — сказал он, аккуратно складывая одежду.

На кухне стоял запах свежего супа. Артур, как всегда, экспериментировал с ингредиентами, считая готовку своей личной терапией.

— Это что за кулинарные изыски? — спросила Лора, садясь на высокий стул у барной стойки.

— Грибной суп, — гордо ответил он. — И не говори, что ты не голодна, потому что я не поверю.

Она улыбнулась, скрестив руки на груди.

— Если ты так уверен...

Когда суп был готов, они сели за маленький обеденный стол у окна. Суп оказался густым и ароматным, и Лора ела с удовольствием, чувствуя, как тело постепенно расслабляется.

— Ты же знаешь, что я не люблю, когда ты ходишь через такие толпы, — сказал Артур, разломив кусок багета. — Это опасно.

— У меня не было выбора, — ответила она. — Улицы перекрыли, нужно было как-то попасть домой.

— Ну и как там всё прошло?

Лора пожала плечами.

— Люди кричат, требуют закрыть департамент. Это всё... слишком эмоционально. Кто-то упал, сломал ногу или что-то вроде того. Но я думаю, они ничего не добьются.

— Конечно, не добьются, — сказал Артур, слегка раздражённо. — Ты же знаешь, сколько денег крутится в этих программах. Они не закроют департамент, тебе не надо волно-

ваться.

Лора и не волновалась. Хотя до конца и не была уверена, как относиться к идее обмена. Она казалась ей негуманной и противоестественной. Но спорить не хотелось, поэтому она лишь молча кивнула.

После ужина Лора включила сериал и свернулась на диване. Артур устроился рядом с блокнотом, время от времени что-то записывая.

— Ты опять работаешь? — спросила она, чуть повернув голову к нему.

— Только немного, — ответил он, даже не отрывая глаз от блокнота.

Она вздохнула и потянулась к пледу, укутываясь с головой.

— Знаешь, иногда я думаю, как хорошо, что у нас с тобой всё так спокойно, — сказала она. Потом кивнула в сторону улицы и добавила:

— И чего им не сидится дома? Всё время чем-то недовольны, протестуют...

— Люди всегда найдут повод, — спокойно ответил он. — Зато у нас сегодня редкий спокойный вечер.

Лора зевнула, ощущая, как тепло пледа и спокойствие дома снимают весь дневной стресс.

— Я думаю, нам стоит поехать куда-нибудь в следующие выходные, — сказала она, закрывая глаза. — Может, в горы.

— Может быть, — отвлечённо ответил Артур, явно думая

о чём-то своём. Он взглянул на неё, уснувшую прямо на диване, и улыбнулся.

В этот момент их дом казался им самым безопасным местом на земле.

Телефон зазвонил внезапно. Лора, почти задремав на диване, потянулась за ним к журнальному столику.

— Это твоя мама, — сказал Артур, мельком взглянув на экран. Он улыбнулся и подал ей телефон.

Лора вздохнула. Она слишком хорошо знала этот сценарий: сначала вопросы, потом тревожный разговор о новостях.

— Привет, мам, — ответила она, прикладывая телефон к уху.

На другом конце линии раздался голос, полный волнения:

— Лорочка, это что у вас там творится?! Я только что смотрела новости! Эти протесты, дым, полиция, люди кричат... Ты видела? Это не может как-то отразиться на положении Артура?

Лора закрыла глаза и попыталась успокоить мать:

— Мам, всё в порядке. Это никак его не касается. Он связан с городским хозяйством, а не с политикой. Протесты были направлены против сильных мира сего.

— Не знаю... И ведь ваш дом рядом! — перебила её мать. — Я видела, как люди бросают что-то, полицейские с дубинками! Тебя там не задело? Ты не попала в эту толпу?

Лора бросила взгляд на Артура, который стоял у плиты и

раскладывал остывший суп по контейнерам.

— Мам, я прошла через неё. Немного пришлось задержаться, но я добралась домой. Всё нормально.

— Ты прошла через неё? — Голос её матери стал ещё более напряжённым. — Лора, ты понимаешь, что могла пострадать? Почему ты не взяла такси или не пошла другим маршрутом?

— Другого маршрута не было, — терпеливо ответила Лора, сдерживая желание сказать что-то резкое. — Я прошла аккуратно, ничего страшного не случилось.

На другом конце раздался тяжёлый вздох.

— Вы живёте так близко к этим событиям... Я всегда говорила, что нужно выбирать спокойные районы.

— Мам, это всё временно. Эти протесты начались недавно, и я уверена, что скоро всё закончится.

— А если нет? Лора, ты уверена, что это безопасно?

— Уверена, — твёрдо ответила Лора. — У нас нормальный дом, в подъезде всё спокойно. Артур здесь, всё под контролем.

Артур, услышав часть разговора, подошёл к дивану и сел рядом с Лорой.

— Передай ей, что я слежу за ситуацией, — сказал он, целуя её в плечо.

Лора улыбнулась и включила громкую связь.

— Мам, Артур говорит, что он всё держит под контролем.

— Здравствуйте, Артур, — сказала мать Лоры, но её го-

лос всё ещё звучал настороженно. — Я надеюсь, вы не позволите Лоре таскаться через эти беспорядки.

Артур рассмеялся. — Я ей уже сказал, но, как видите, Лора упрямая.

— Я слышу! — вставила Лора с улыбкой, глядя на него.

Мама немного смягчилась, и её голос стал теплее. — Главное, чтобы вы были в безопасности. Лора, ты мне сразу звони, если что-то случится.

— Хорошо, мам, — ответила Лора.

— Ну ладно, не буду вас задерживать. Только, пожалуйста, будьте осторожны.

— Конечно. Спокойной ночи.

— Спокойной ночи, детка. И спасибо, Артур.

— Спокойной ночи, — подхватил Артур, после чего Лора отключила телефон.

— Она взволнована, как всегда, — сказала Лора, бросив телефон на диван.

— Ну, знаешь, у неё есть причины, — заметил Артур. — Протесты становятся всё более опасными.

Лора кивнула, но не хотела дальше обсуждать это. Она чувствовала себя дома в безопасности, а мысли о том, что происходит внизу, оставались где-то далеко, за пределами её маленького мира.

— Ты ей нравишься, — сказала Лора, обнимая его.

— Конечно, — усмехнулся он. — Я отличный муж, разве нет?

— Если бы ты ещё поменьше ворчал насчёт того, что я таскаю пакеты, — подколола она.

— Пакеты — это серьёзно, — ответил он с серьёзным видом, после чего они оба рассмеялись.

В этот вечер всё казалось спокойным и безмятежным. Но за стенами их дома мир начинал трещать по швам.

Глава 4. Аномалии

Я всегда верил, что наука — это путь к прогрессу. Мы изучаем мир, находим решения, исправляем ошибки природы. Но сегодня я начал сомневаться, не стали ли мы самой большой ошибкой.

Я вошёл в лабораторию через стерильный шлюз, где воздух был насыщен запахом антисептиков и озона. На мне был чистый белый халат, но под ним — липкий слой пота. Я чувствовал, как ткань неприятно прилипает к коже, и мысленно проклинал себя за то, что не принял душ перед выходом. Не успевал. Хотя, если честно, это даже не имело значения. Я мог бы облиться целым ведром ледяной воды, но это не помогло бы смыть ту усталость, которая въелась в меня за последние недели.

Я плохо спал. Не только из-за кофеина, которым заливаю себя, чтобы оставаться на ногах, но и из-за того, что в последнее время мой мозг не давал мне покоя. Я просыпался среди ночи, прокручивая в голове данные последних экспериментов, вспоминая, как некоторые показатели хаотично менялись. Как будто что-то внутри системы двигалось не так, как должно было. Как будто болезнь, которую мы передавали, жила своей собственной жизнью.

И ещё были сны. Тяжёлые и повторяющиеся. В них я видел людей, которые получали наши «лечения», но их лица

были размытыми, а глаза — пустыми. Они шептали что-то, но я не мог разобрать слов. Иногда я просыпался с ощущением, что они стоят прямо у моей кровати.

Конечно, я говорил себе, что всё это от перегрузки. Обычная реакция на переутомление. Но в глубине души я знал, что-то идёт не так.

Я никогда не обладал той интуицией, о которой любят говорить люди, словно это дар или особый вид шестого чувства. Никогда не мог предсказать, что вот-вот позвонит нужный человек, не чувствовал необъяснимой тревоги перед опасностью. Всё, что я знал, было выстроено на фактах, данных и строгих закономерностях. Моя интуиция, если её можно так назвать, всегда базировалась на логике, на выводах, подкреплённых исследованиями, на технических процессах, которые можно объяснить. Я чувствовал, точнее понимал, когда эксперименты шли не так, когда параметры в данных намекали на скрытую проблему. Я умел предугадывать свои системы, потому что понимал процессы. Но сейчас... Сейчас это было нечто иное. То, что происходило со мной теперь, было гораздо серьёзнее обычных сомнений. Это не было просто логическим ощущением, что где-то просчёт, что в уравнении есть ошибка. Это было глубже, примитивнее, почти животное чувство. Словно я стоял на краю чего-то огромного и невидимого.

И вот я снова здесь, в лаборатории, воняющий потом и тревогой, но готовый притвориться, что всё нормально. По-

тому что, если я начну задавать слишком много вопросов — возможно, скоро мне вообще нечего будет спрашивать или меня просто перестанут слушать.

Передо мной в лабораторном боксе стояли несколько стеклянных капсул с образцами клеток. Они мерцали в свете ламп, словно скрывая в себе нечто живое. Эти клетки были когда-то частью людей — добровольцев, которым передали болезни. Одних излечили, другие умерли. Кто-то, наверное, удачно обменял рак на диабет и теперь наяривает шоколадки, но не мне судить.

На мониторах мелькали данные. В левой колонке — исходные параметры болезни у донора. В правой — как болезнь проявилась у реципиента.

— Опять несоответствие, — пробормотала доктор Эмма Ли, моя коллега, не отрываясь от экрана.

— Где? — я подошёл ближе.

Она увеличила таблицу.

— Пациент 038-В. Получил хроническую мигрень. Всё должно было быть стандартно, но... — она нажала пару клавиш, и на экране появилось изображение МРТ мозга пациента. — Видишь это?

Я сузил глаза. Изменения в коре головного мозга. Нетипичные. Нехарактерные.

— Это... не просто мигрень, — сказал я медленно.

— Именно. Мы думали, что передаём стандартную неврологическую патологию, но его мозг ведёт себя так, будто

получил нечто совершенно иное.

Я отступил на шаг, сложил руки на груди.

— Это не первый случай.

— Это тринадцатый, — мрачно сказала Эмма. — Вирусные болезни мы ещё как-то контролируем, но с неврологическими нарушениями и аутоиммунными реакциями всё сложнее. Они ведут себя непредсказуемо.

Я провёл рукой по лицу.

— Нам нужно сообщить об этом руководству.

Эмма посмотрела на меня так, словно я только что предложил устроить ядерный взрыв в центре города.

— Ты серьёзно? Они не захотят даже слушать об этом, Эндрю. Прикажут молчать и не лезть куда не надо.

— Но, если мы ничего не сделаем, это может выйти из-под контроля. Это уже зашло слишком далеко.

Эмма вздохнула.

— Хорошо. Но сначала давай разберёмся, с чем мы имеем дело.

Я не сказал ей, что, если мы попытаемся остановить всё это, нас обоих однажды найдут с «естественными» сердечными приступами. Но, думаю, она уже это понимала.

Мы прошли через несколько лабораторных отсеков, пока не оказались в секторе экспериментальных моделей. Ряды стеклянных камер, наполненных холодным воздухом. Внутри — лабораторные крысы, приматы, несколько искусственно выращенных органов, подключённых к питатель-

ным трубкам.

Я ненавижу это место. Не потому, что жалел подопытных животных, а потому, что оно напоминало мне, как много мы ещё не понимаем.

— Как контрольные группы? — спросил я у техника, который стоял перед монитором.

— В большинстве случаев передача идёт как надо, — ответил он, листая данные. — Но есть отклонения.

— Какие? — нахмурился я.

Он вывел данные на экран.

— Крысы, которым передали диабет второго типа, начали вести себя неадекватно. Их уровень глюкозы нестабилен, но самое интересное... — он нажал на экран, увеличивая запись с камеры.

Я наклонился ближе. Крыса, которую мы заразили диабетом, агрессивно бегала по клетке, кусая собственный хвост.

— Что, чёрт возьми...

— Это уже третья особь с таким поведением, — добавил техник. — Раньше такого не было.

Я посмотрел на Эмму.

— Это неврологическая реакция?

— Возможно. Или болезнь мутирует на уровне метаболизма.

Я сглотнул.

— А обезьяны?

Техник вывел ещё одну запись.

В прозрачном боксе сидел примат, который должен был получить туберкулёзную инфекцию. Он выглядел совершенно здоровым, но смотрел на стену, словно что-то видел. А потом вдруг резко вскочил и ударился головой о стекло.

Я отшатнулся.

— Он... галлюцинирует?

— Мы не знаем, — техник говорил почти шёпотом. — Но если то же самое начнёт происходить с людьми...

Я посмотрел на Эмму.

— Ты всё ещё думаешь, что нам надо молчать?

Она медленно покачала головой.

— Мы должны что-то сделать.

И опять я промолчал о том, что «что-то» в таких ситуациях часто заканчивается похоронами тех, кто пытался что-то сделать.

Через два часа мы стояли в конференц-зале перед Секретарём Министра Департамента Обмена Болезнями и ещё несколькими людьми, которых я раньше не встречал.

Я изложил все факты. Показал графики. Привёл примеры. Никто из них даже не дрогнул. Один из чиновников закрыл папку и спокойно произнёс:

— Вы не будете больше поднимать эту тему.

Я моргнул.

— Простите, что?

— Мы вас услышали, доктор, — повторил он, словно робот. — Но эта информация не должна выйти за пределы ла-

боратории.

— Но если мы ничего не сделаем...

— Тогда, доктор Блейк, вам следует сделать так, чтобы ничего не случилось.

Я почувствовал, как Эмма осторожно сжала мой локоть. Она понимала. Им всё равно. Я кивнул.

— Отлично. Тогда просто скажите мне, в какой момент мне ждать людей в чёрных костюмах у своей двери.

Чиновник слегка улыбнулся.

— Ну, не надо драматизировать, Доктор Блейк, мы все хотим одного и того же. Вам просто нужно продолжать исследования. Остальное предоставьте нам.

Ну, конечно. Продолжать исследования. Пока кто-то выше не решит, что мы знаем слишком много.

Когда я вернулся в лабораторию, мой рабочий терминал был заблокирован.

— Что за... — я ввёл пароль, но система не пускала меня.

— Доступ ограничен, — сообщил экран.

— О, прекрасно. Видимо, кто-то решил, что я теперь слишком умён для этого компьютера.

Эмма подошла ко мне, её лицо было бледным.

— Эндрю... кто-то уже убирает данные.

Я ощутил, как внутри всё похолодело.

— Чёрт...

Где-то далеко, за тысячи километров, девушка по имени

Лилу вглядывалась в темноту. Очертания знакомых ей предметов казались расплывчатыми. Детали — менее чёткими. Зрение медленно угасало.

Глава 5. Вызов

Лора только успела дать отбой после разговора с мамой и выдохнуть, как снова раздался звонок. Она вздохнула и потянулась к мобильнику. Артур усмехнулся и лениво откинулся на спинку дивана.

— Мама забыла добавить, чтобы ты в следующий раз, когда выходишь на улицу, надевала каску и бронежилет?

— Очень смешно, — сказала Лора, бросив на него взгляд, но всё же улыбнувшись.

Она взяла телефон. Номер был незнакомый.

— Алло?

На том конце линии послышался мужской голос — сухой, чёткий, без эмоций:

— Позовите к телефону Артура Линфорда.

Лора напряглась.

— Простите, кто это?

— Просто передайте, что его ждут.

Она отняла телефон от уха и посмотрела на мужа.

— Артур, это тебя... Очень странный голос.

Артур встал с дивана и протянул руку. Лора передала ему телефон, и сама осталась стоять рядом, скрестив руки.

— Слушаю.

На другой стороне линии тот же сухой голос произнёс:

— Вас вызывают. Времени нет. Подробности получите на

месте.

Артур молча слушал, его лицо стало непроницаемым.

— Понял. Через сколько?

— Немедленно.

Гудки.

Лора уставилась на мужа.

— И?

Артур помедлил, вертя телефон в руках, а затем посмотрел на неё с извиняющейся улыбкой.

— Похоже, я снова кому-то понадобился.

— Это как понимать?

— Служба, — ответил он тоном, который явно не предполагал объяснений.

Но Лора не собиралась так просто сдаваться.

— Какая ещё служба? Артур, ты же всего лишь...

Она запнулась. Да, он числился в муниципалитете, но у него был обычный график. Никаких внезапных вызовов. Во всяком случае, раньше.

Артур вздохнул, будто заранее ожидая её реакции.

— Я тебе говорил, что иногда меня могут срочно вызвать.

— Да, но... раньше такого не было. Это прозвучало так...

— Лора поперхнулась и закашлялась.

Артур не ответил сразу. Затем, немного понизив голос, сказал:

— Лора, мне действительно нужно идти. Это важно.

— Это связано с протестами?

Он посмотрел на неё задумчиво.

— Может быть.

Он подошёл к вешалке, снял куртку и уже собирался уйти, когда Лора схватила его за руку.

— Артур, осторожно, да?

Он посмотрел на неё, явно разрываясь между тем, что мог сказать, и тем, что должен был скрыть.

— Я разберусь. А потом расскажу, что смогу.

Она не была довольна этим ответом. Но знала, что из него ничего не выжать. Артур наклонился, быстро поцеловал её в лоб и вышел за дверь.

Лора осталась стоять в гостиной, смотря на закрытую дверь и чувствуя, что её жизнь только что сделала неожиданный поворот.

Глава 6. Встреча

Артур Линфорд привык к экстренным вызовам. Он не задавал вопросов, не демонстрировал эмоций и не пытался гадать, зачем его вызвали. В муниципалитете он был известен своей надёжностью и умением действовать без лишних разговоров. Именно поэтому он сейчас стоял перед массивными дверями, ведущими в здание, куда простым чиновникам вход закрыт. Органы безопасности. Он знал: когда они звонят, это означает только одно — случилось что-то, выходящее за рамки очередных протестов.

— Артур Линфорд? — уточнил охранник у входа, сканируя его удостоверение. — Проходите, — охранник указал на магнитную рамку и находящуюся за ней в конце коридора дверь. — Вам туда.

Артур прошёл через детектор и остановился перед дверью кабинета без таблички. Дверь с тихим механическим щелчком разблокировалась, и он вошёл внутрь. Как правило, в таких помещениях было душно, но здесь кондиционер работал на полную мощность, и слышалось равномерное потрескивание вентилятора. Здание было старым, с небольшими окнами в тяжёлых деревянных рамах. В центре стоял современный стол, совершенно несоответствующий этому дому, за которым сидели трое мужчин и одна женщина. Артур знал только одного из них, Джона Менкера, аналитика, как он был

представлен ему раньше, когда они пересекались на других заданиях. Они не представились, но именно такие люди принимали важные решения. Артур тоже не стал спрашивать, такие вещи здесь были не приняты.

— Садитесь, — сказал Менкер, указывая на кресло напротив.

Артур сел, сцепив пальцы в замок.

— Вы знаете, почему мы вас вызвали?

— Пока нет, но догадываюсь. Протесты?

Женщина слева, седовласая и с колючим взглядом, коротко усмехнулась.

— Протесты — лишь верхушка айсберга. Мы говорим о том, что их вызвало.

Артур ждал продолжения.

— Департамент Обмена Болезнями, — наконец сказал Менкер, сложив руки перед собой.

Артур чуть наклонил голову показывая, что он в полном внимании. Мужчина справа от Менкера, человек с холодными серыми глазами, заговорил впервые:

— У нас есть основания полагать, что внутри системы происходят события, о которых не сообщают в официальных отчётах.

Артур слегка приподнял брови.

— В последние несколько месяцев фиксируется рост аномальных случаев среди пациентов, прошедших процедуру обмена, — продолжил мужчина. — Переданные болезни ве-

дуг себя нестандартно. Симптомы изменяются, появляются побочные эффекты, которых не должно быть.

Артур молчал.

— Нам нужны люди внутри, — продолжил Менкер. — Надёжные, незаметные люди, способные получать информацию, не привлекая внимания.

— Вы хотите, чтобы я...

— Ваша должность даёт вам доступ к определённым структурам, — перебил его сероглазый.

— Вы ведь биохимик по образованию, верно? Мы хотим, чтобы вы помогли нам понять, что происходит.

Артур напрягся и, чтобы это скрыть, слегка откинулся в кресле.

— Я служу в муниципалитете, а не в разведке.

— Именно поэтому вы нам и нужны.

Артур обдумывал ответ.

— У меня есть возможность отказаться? — наконец спросил он.

Менкер чуть склонил голову набок, изучая его взглядом.

— Это ваш выбор, конечно. Но я думаю, вы понимаете, что некоторые вещи лучше знать заранее, чем узнавать, когда уже поздно.

Артур понимал. Именно это его и беспокоило.

— Насколько свободно я смогу действовать? — уточнил он.

— В рамках своей официальной роли, настолько, насколько

ко позволит ситуация. Не привлекайте к себе лишнего внимания. Ваша задача — наблюдать, а не вмешиваться.

Артур кивнул.

— Какие у меня контакты внутри?

— Мы не предоставляем вам сеть поддержки. Вы действуете в одиночку.

Что ж, ничего нового.

— Вопросы?

— Что конкретно вас беспокоит?

Человек посмотрел на него долгим взглядом, потом чуть склонил голову.

— Это вам и предстоит выяснить.

Артур Линфорд умел сохранять спокойствие. Он вышел из здания органов безопасности таким же невозмутимым, каким вошёл, не выдавая внутреннего напряжения. На поверхности — всё так же, как всегда: он был чиновником муниципалитета, человеком, который занимался общественными вопросами и регулировал административные процессы.

Но теперь его роль изменилась. Незаметный наблюдатель. Внутренний агент. И ему не нравилось. Интересно как бы Лора отреагировала, если бы узнала о его задании. Он на минутку представил её, такую нежную и хрупкую, как она с ужасом смотрит на него, волнуясь и представляя самое плохое.

Он быстро отогнал эти мысли и усмехнулся про себя. Ло-

ре никогда в голову не пришло бы, что её добрый, мягкий и заботливый муж, каким он был дома, может заниматься чем-то опасным. Кто угодно, но не он. И ведь действительно, дома он был совершенно другим — расслабленным и нежным.

Глава 7. Осенние листья

Лора стояла у окна, задумчиво глядя на вечерний город. Из их квартиры открывался вид на кусочек залива и цепочку высотных зданий, в чьих стеклянных фасадах угасал день, и в окнах уже зажигался свет.

Это было то самое время года, когда осень уже закончилась, а зима ещё не наступила. Хотя, по существу, в этом городе никогда не было чётких границ между временами года. Зимой могли выдаться два-три тёплых дня, когда хотелось гулять без пальто и впитывать в себя неожиданные лучи солнца, а летом могло быть настолько холодно, что приходилось прятаться в пуховик. Погода в городе жила своей жизнью, игнорируя календарь и ожидания людей. В этом и была его особая прелесть. Хотя некоторые находили в этом недостаток.

Лора перевела взгляд на одинокое дерево внизу. Почти все листья давно опали, оставляя ветви голыми и беспомощными перед ветром. Но несколько листочков упрямо держались, словно цепляясь за жизнь. Она смотрела на них, понимая, что они обречены — рано или поздно они всё равно сорвутся. От этой мысли ей стало чуть грустно. Солнце уже скрылось за горизонтом, но тёплый свет от него ещё держался и прорывался через дымку над заливом. Туманы над городом были обычным явлением. Серых дней было гораздо

больше, чем солнечных, и это также было особенностью города. В этом была своя романтика, и Лора не возражала. Ей нравилось в этом городе всё: люди, его колорит. И туманы тоже.

Лора провела рукой по коротким светлым волосам. В отличие от других женщин, ей не нужно было тратить много времени на укладку. Достаточно было пары минут утром — провести влажными пальцами по прядям, и они ложились как нужно. У неё была мальчишеская стрижка, но не слишком короткая, а ровно такая, чтобы придавать её облику независимость, чуть озорное, но не легкомысленное. Этот образ дополняли её глаза — уголки чуть спущены книзу, отчего во взгляде была особенная мягкость.

Лора вдруг вспомнила, как в школе мальчишки почему-то боялись её. Боялись подойти, заговорить. Она тогда не понимала, что с ней не так. Ей казалось, что она ничем не отличается от других девочек. Но почему-то никто не хотел с ней знакомиться. А потом появился Артур. Он был первым, кто не побоялся. Первым, кто, кажется, не сомневался в своём выборе. Первым во всём. Сначала она удивлялась — почему он выбрал её? Но потом привыкла. А потом заметила, что вокруг неё стало появляться всё больше мужчин. Те, кто раньше не решались подойти, теперь смотрели на неё иначе. Конечно, она не обращала на них внимания. Но это всё равно льстило. Может, она просто расцвела? Может, пришло её время?

Она чуть усмехнулась своим мыслям, но тут же вернулась к настоящему. Её снова тревожил Артур. Сегодня воскресенье. И он ушёл. За четыре года брака она привыкла, что его иногда вызывали в нерабочее время. Вначале это её волновало, а потом она привыкла. Но сегодня было нечто другое. Сегодня в его голосе и в том, как он быстро собрался и ушёл, чувствовалось напряжение.

Лора медленно отошла от окна и взглянула на часы. Уже почти девять. Она снова взяла телефон и несколько секунд смотрела на экран, раздумывая, стоит ли позвонить Артуру. Но в итоге просто положила телефон обратно на стол. Она подождёт. Это просто гормоны, что вполне нормально в её положении. Она машинально провела рукой по животу. Беременность протекала легко. Не было ни тошноты по утрам, как пугали её подруги, ни раздражённости. Может только чуть повышенная чувствительность и сонливость. «Всё хорошо. Нечего себя накручивать», подумала Лора. Он скоро придёт... Но, если он не вернётся в ближайший час, она точно ему позвонит.

Было девять вечера, когда Артур вернулся домой. Лора спала в кресле, по-детски поджав под себя ноги, держа в руке телефон. Он улыбнулся: она ему так и не позвонила. Он накрыл её пледом, поправил её голову, свисшую набок, чтобы ей было удобнее. Лора тут же проснулась и потянулась к нему. У неё не было сил его расспрашивать. Она была просто рада, что он уже дома.

Глава 8. Назначение

Через два дня пришло распоряжение. Формально ничего особенного — Артура перевели в отдел взаимодействия с Департаментом Обмена Болезнями. Новый отдел занимался анализом общественного мнения и необходимостью продолжения исследований, что после недавних протестов звучало логично.

— Поздравляю, — сказал его начальник, пожимая ему руку. — Это важный шаг. У департамента слишком сложная репутация, а нам нужны люди, которые смогут наладить конструктивный диалог с общественностью.

— Будем стараться, — ответил Артур с привычной профессиональной улыбкой.

Но когда он подписывал документы о переводе, в голове звучало: «Вы хотите, чтобы я стал глазами и ушами. Хорошо. Но что я там увижу?»

Офис Департамента Обмена Болезнями находился вдали от правительственных зданий и общественного внимания. Это был не стеклянный небоскрёб с корпоративными логотипами, а функциональный, ничем не примечательный комплекс — несколько серых зданий без вывесок, скрытых за высоким забором с камерами наблюдения.

Официально он числился как исследовательский центр, и проходящему мимо человеку даже в голову не пришло бы,

что здесь происходит что-то особенное. В отличие от муниципальных и федеральных учреждений, вокруг не было журналистов, протестующих или любопытных прохожих. Даже парковка выглядела подозрительно свободной, словно все, кто сюда приезжал, просто растворялись внутри здания.

Когда Артур подъехал к КПП, охранник мельком взглянул на его документы, затем провёл сканером и коротко кивнул.

— Проезжайте.

Ворота тяжело закрылись за ним, отсекая остальной мир. Белые стены, безупречно чистые коридоры, люди в медицинских халатах, спешащие по своим делам.

В приёмной сидела женщина с безупречной причёской и в очках в тонкой металлической оправе.

— Добро пожаловать, мистер Линфорд, — сказала она, не поднимая глаз от монитора. — Вам уже подготовили рабочее место.

— Благодарю.

— Ваш куратор — Джеймс Коллингс. Он сейчас занят, но вас встретит один из сотрудников.

— Отлично.

Женщина надела громоздкие наушники и позвонила кому-то. Через минуту к нему подошёл высокий мужчина в сером костюме, с аккуратной бородкой и цепким взглядом.

— Артур, да? — он протянул руку. — Ричард Кейн. Занимаюсь здесь общественными инициативами.

— Рад знакомству.

— Давай, я покажу тебе, как у нас всё устроено.

Ричард перешёл на более фамильярный тон, пытаясь скрыть за ним внутреннее беспокойство.

Артур кивнул, идя за ним по коридорам.

— У нас много разных отделов. Мы занимаемся не только административными вопросами, но и аналитикой, — рассказывал Кейн. — Обрабатываем запросы, регулируем взаимодействие с больницами, следим за динамикой удовлетворённости клиентов.

— Удовлетворённости? — Артур чуть приподнял брови.

— Ну да. Люди приходят сюда, чтобы избавиться от болезней. Нам важно знать, насколько они довольны результатом.

Артур кивнул.

— А если они недовольны?

Кейн усмехнулся.

— Ну, такие случаи тоже бывают. Мы стараемся минимизировать риски.

Фраза прозвучала слишком обтекаемо. Минимизировать риски — что это вообще значит?

— Вот твой кабинет, — сказал Кейн, открывая дверь.

Небольшое помещение с рабочим столом, компьютером и шкафом с папками. Выглядело стандартно. На мгновение у Артура мелькнула мысль: удивительно, но даже здесь бумага по-прежнему оставалась частью системы. Но главное бы-

ло не здесь. Главное — в том, к чему он должен получить доступ.

На следующий день он получил первую подборку данных. Стандартные отчёты о пациентах, прошедших процедуру обмена, сводки по статистике. На первый взгляд — ничего необычного. Но когда он начал вчитываться, заметил повторяющуюся тенденцию. У некоторых пациентов после обмена возникали неожиданные побочные эффекты, не соответствовавшие симптомам полученной болезни. Было много повторяющихся записей с пометкой: «Неудачная адаптация». Но что это значит?

Артур щёлкнул по системе поиска и ввёл этот термин.

«Доступ ограничен. Требуется подтверждение уровня допуска».

Он нахмурился. Интересно. Ещё интереснее, что буквально через несколько минут после этого его телефон завибрировал.

— Линфорд, зайдите ко мне, — раздался голос его куратора, Джеймса Коллинга. — Мой кабинет справа, следующая дверь от вашего.

Когда Артур вошёл в кабинет, его куратор сидел за столом, просматривая какие-то файлы. Он был худощав, лет пятидесяти, с бледным лицом и светлыми глазами.

— Присаживайтесь, — сказал он, не поднимая глаз.

Артур сел.

— Я вижу, вы уже начали осваиваться, — произнёс Кол-

лингс, закрывая документы.

— Место интересное, — сказал Артур нейтральным тоном.

— Мы заметили, что вы пытались получить доступ к определённой информации.

Артур не дрогнул. Его удивила мгновенная реакция на его попытки войти в недоступные файлы.

— Просто изучал терминологию. Хотел понять, что означает «неудачная адаптация».

Коллингс долго смотрел на него.

— Вам это не нужно знать. Нет необходимости.

Голос был ровным, но в нём чувствовалось предупреждение.

— Просто мне казалось, что если я буду лучше понимать систему, то смогу действовать эффективнее.

— Ваша задача — взаимодействовать с общественностью и следить за тем, чтобы люди сохраняли спокойствие.

Он сделал паузу.

— Всё остальное вас не касается.

Артур согласно кивнул, но реакция Коллингса насторожила.

— Понял.

Коллингс изучал его взглядом ещё несколько секунд. Затем слегка улыбнулся.

— Рад, что мы понимаем друг друга.

Артур вышел из кабинета, делая вид, что ничего не слу-

чилось. Но внутри он уже знал — ему доверять не будут. И это только подогрело его интерес.

Позже вечером, когда в здании почти никого не осталось, Артур зашёл в архивный отдел.

— Охранник ушёл на ужин? — небрежно спросил он у женщины, сидящей за стойкой.

— Да, но у меня тут всё под контролем, — ответила она, не отрываясь от монитора.

Артур кивнул, проходя мимо.

Глава 9. Гость из муниципалитета

Сегодня с утра я снова думал о том, чтобы бросить всё к чертям. Ещё не успев толком проснуться, уже чувствовал себя уставшим. Первой мыслью было не «доброе утро», а что, если просто не пойти на работу?

Через силу встал с кровати.

Посмотрел на себя в зеркало — опухшие веки, осунувшееся лицо, зрелище не из приятных. Моя бывшая сказала бы: «Эндрю, милый, разве можно себя так изнушать? Если бы тебе платили столько, на сколько ты выглядишь, мы бы уже давно купили дом, а не жили бы в этой двушке».

Наверное, поэтому её ненадолго хватило. Теперь от неё в этой двушке остались только мерзкие занавески, которые меня с самого начала раздражали, но я терпел, чтобы её не обижать.

Почему они до сих пор висят? И почему я до сих пор не сорвал их с окон?

Наверное, лень. Или усталость. Не помню, когда последний раз по-настоящему отдыхал.

Ну ладно. Здравствуй, новый день, полный мышинной, или, точнее, крысиной рутин. Я иду к тебе.

Позавтракал без удовольствия. Просто запихнул в себя остатки вчерашней яичницы и допил яблочный сок из полупустой коробки, которая уже неделю доживала свой век в

холодильнике.

Наконец заставил себя собраться и выйти из дома.

По дороге в лабораторию я упорно убеждал себя, что мне не плевать. Что моя работа важна. Что я всё ещё могу что-то изменить.

Не помогло.

Мне всё чаще казалось, что я просто хожу по кругу. Что просто отбываю срок. Одни и те же коридоры. Те же лица. Те же отчёты, которые ничего не меняют и нужны только для проформы.

Я поймал себя на мысли, что снова думаю об увольнении. Не в первый раз. В последние месяцы эта идея возвращалась с завидным упорством.

Всё. С меня хватит. И пусть кормят и мучают своих крыс без меня.

Уйду. Уеду куда-нибудь, где можно недорого купить маленький дом или квартиру с гаражом и наконец заняться тем, что мне действительно нравится.

Имею право в сорок два года получать удовольствие от жизни, а не торчать в этой тёмной и холодной дыре. Наконец займусь тем, о чём давно мечтал, — реставрацией старых автомобилей. Если удастся продавать хотя бы две машины в год, этого вполне хватит на комфортную жизнь. И зависеть я буду только от самого себя.

По крайней мере, это будет моя жизнь.

От этой мысли внутри стало немного теплее. С твёрдой

уверенностью, что сегодня выполню данное себе обещание, я вошёл в здание лаборатории.

Если бы кто-нибудь тогда сказал, что через несколько часов я забуду и об увольнении, и о гараже, и о старых машинах, я бы не поверил. Но жизнь, как обычно, не сочла нужным поинтересоваться моим мнением.

Не успел я дойти до кабинета, как меня вызвали в административный сектор.

«Прибудет представитель муниципалитета. Обеспечьте сопровождение и дайте ему необходимую информацию».

Чудесно. Хотя бы что-то новое. Я шёл по коридору лаборатории, думая, что вряд ли этот «представитель» разбирается в чём-то сложнее отчётов и статистики. Скорее всего, какой-нибудь бюрократ, уверенный, что без него система развалится.

— Блейк, у тебя вид, как будто... ну... — Эмма пыталась подобрать подходящее определение. — У тебя всё в порядке? Ты какой-то возбуждённый.

Я остановился и посмотрел на неё. Она улыбалась, но я-то знал, что это её особенная улыбка, когда она пытается меня приободрить.

— У тебя так сжаты губы, будто ты пытаешься не сказать что-то неприличное.

— Муниципальный чиновник едет сюда, — передёрнул я плечами.

Эмма закатила глаза.

— Ну, конечно. И как это мы тут без него справлялись раньше?

— Я бы без них спутал ДНК с РНК

Она усмехнулась.

— Не убивай его, ладно? У нас тут и так санитарный контроль скоро.

— Обещаю лишь пассивную агрессию.

Я пошёл дальше, а Эмма осталась позади, качая головой.

Когда я зашёл в конференц-зал, «гость» уже был там. Высокий, подтянутый, в хорошем костюме. Он совсем не был похож на людей из высших инстанций, какими я их себе представлял. Без излишней строгости и без канцелярской зажатости. На первый взгляд не раздражает.

Посмотрим, ещё не вечер. Я не люблю, когда в мой мир влезают «наблюдатели» — те, кто думают, что могут разобраться в чём-то за пару дней, просто потому что у них есть власть требовать отчёты.

— Доктор Блейк, — произнёс он ровным голосом.

— Зависит от того, кто спрашивает, — ответил я.

Он чуть приподнял бровь.

— Артур Линфорд, отвечаю за улучшение городской инфраструктуры.

Я чуть не расхохотался.

— Инфраструктуры? Вы уверены, что пришли по адресу?

Он выдержал паузу.

— Уверен.

Я скрестил руки на груди.

— Хорошо. С какой целью визит?

— Мне поручено ознакомиться с работой лаборатории и понять процесс.

Я смерил его взглядом.

— Извините, но мне казалось, что улучшение дорог и водоснабжения не имеет отношения к науке. Или да?

— На удивление, в городе всё взаимосвязано, — спокойно сказал он, будто мой сарказм его нисколько не тронул.

Меня это немного задело. Не потому, что он сказал что-то резкое — наоборот, он не повёлся. Это раздражало.

— Я здесь, чтобы получить доступ к определённым данным и убедиться, что всё функционирует в пределах допустимых норм, — продолжил он.

— Данные о чём?

— О процессе передачи болезней, о случаях осложнений, о потенциальных рисках.

Я засмеялся.

— О, это не к нам. Это наверх, в департамент. Мы тут внизу просто муравьи. А они, — он указал пальцем наверх, — дадут вам красивые отчёты и скажут, что у нас всё отлично.

Он чуть сузил глаза.

— А вы сами в это верите?

Я прищурился.

— А вам-то какая разница?

Мы смотрели друг на друга, каждый пытаюсь что-то счи-

тать с лица другого. Потом я сдался. Просто надоело прикидываться остряком.

— Ладно. Покажу вам лабораторию. Но не обещаю, что она впишется в ваш план по «улучшению инфраструктуры».

Мы шли по коридорам, и я быстро понял, что Линфорд не тот, кем кажется. Он не задавал глупых вопросов. Он не делал вид, что разбирается в теме, но и не выглядел растерянным. Он наблюдал. И это раздражало ещё больше.

— Здесь проходят тестирования образцов, — сказал я, указывая на стеклянную стену лаборатории, где трудились техники.

— Какие именно тестирования?

— Молекулярный анализ, адаптация к новым носителям, реакция иммунной системы.

— Есть отклонения?

Я усмехнулся.

— Ну, если верить официальным документам, — нет.

Он остановился.

— А если верить вам?

Я посмотрел на него. Вот теперь мне стало любопытно.

— А вы умеете задавать вопросы.

— В моей работе это важно.

— Да уж, представил, как вы так же допрашиваете асфальтные дороги, или чем ещё вы там занимаетесь в своём агентстве.

Линфорд усмехнулся. Я вздохнул.

— Ладно. Если вы действительно хотите увидеть, что у нас происходит, идите за мной.

И я повёл его туда, куда посторонних не пускают.

Глава 10. Зона доступа

Артур ненавидел лаборатории. Он до сих пор не понимал, почему в университете выбрал специальность биохимика. Хорошо ему хватило ума сразу понять, что это не для него, и после окончания он удачно устроился в муниципалитет на административную должность, которая имела такое же отношение к биохимии, как к балету. Он предпочитал иметь дело с реальностью — с улицами, людьми, распределением ресурсов, чем-то, что можно увидеть, пощупать, измерить.

Но теперь он стоял в безлюдном коридоре исследовательского центра, где «реальность» состояла из сложных формул, биологических процессов и назойливо гудящих машин, смысл которых ему ещё только предстояло понять. На стене у входа висела табличка: «Лаборатория биологического контроля. Подразделение В2». Биологический контроль. Какая-то часть его сознания саркастически отметила, что контролировать можно транспортные потоки, а вот болезни — это другое.

— Линфорд?

Артур повернулся.

— Идите за мной.

Они прошли через ряд коридоров, освещённых холодным неоновым светом.

— Мы используем передовую технологию переноса патологий, — начал Блейк, пока они шли. — В теории это должно быть полностью безопасно. Человек получает болезнь, организм адаптируется, и всё идёт по плану.

— Но?

Блейк остановился перед дверью с биометрическим сканером и ввёл код.

— Но в последние месяцы мы начали замечать... отклонения.

Дверь мягко раздвинулась, и Артур вошёл внутрь.

Помещение было просторным, с несколькими рабочими станциями. На экранах крутились трёхмерные модели ДНК, графики и таблицы. На одном из столов стоял прозрачный контейнер с питательной средой, в котором плавали живые клетки. Они были увеличены под микроскопом, и их структуры проецировались на большой экран.

— Что это?

— Клетки пациента после процедуры переноса.

Артур пригляделся. Они двигались беспорядочно — не так, как должны были.

— Они ведут себя так, будто «ищут» что-то, — сказал Блейк.

— Как это возможно?

— Мы не знаем, — Блейк потёр виски. — Но похоже, что некоторые болезни начали... адаптироваться к новым хозяевам. Или, что ещё хуже, изменять их.

Артур почувствовал, как внутри у него что-то неприятно сжалось.

— Вы хотите сказать, что болезнь меняется?

— Не совсем. Она учится.

Артур замер.

— Учится?

— Да. Мы наблюдали случаи, когда переданная болезнь начинает взаимодействовать с ДНК пациента не так, как должна. Она не просто «поселяется» в новом организме, а изменяет его, приспособливаясь к новой среде.

Блейк подошёл к монитору и вывел новую диаграмму.

— Вот посмотрите. Это стандартный штамм вируса, который мы использовали для проверки. А это — тот же вирус после передачи другому человеку.

Артур прищурился. Они были разными.

— Он модифицировался?

— Именно. Он перепрограммировал свою структуру, чтобы соответствовать новому хозяину.

— Но разве это не... нормально? Болезни ведь эволюционируют.

— Да, но не так быстро. Как правило, этот процесс занимает годы. У нас — считанные недели.

Артур молчал. Ему нужно было время всё осмыслить. Он стоял перед экраном, вглядываясь в линии графика, в неестественно изогнутые цепи РНК, будто это был не научный отчёт, а предупреждение. То, что он услышал, было не

просто неожиданным — это было опасно. Но пока он не понимал, чем именно.

— А пациенты? — наконец спросил он. — Как они себя чувствуют?

Блейк на мгновение замешкался. Этого было достаточно, чтобы Артур понял — не всё так гладко.

— Некоторые из них проходят реабилитацию в обзорном блоке, — сказал он наконец. — Он расположен при больнице, недалеко от лаборатории. Там ведутся наблюдения за реакцией организма в течение первых шести месяцев после обмена.

— И?

Блейк пожал плечами.

— У половины всё проходит нормально. У остальных... возникают особенности: побочные реакции, нестабильные симптомы, иногда психологические сдвиги. Были даже случаи сенсорных аномалий.

— Сенсорных?

— Например, один из пациентов, которому передали рассеянный склероз, начал сообщать о «неестественных» ощущениях в теле — как будто его кожа больше не его. В другом случае человек, получивший вирусный гепатит, заявил, что стал «чувствовать» чужую память.

Артур напрягся. Теперь он понимал: его задача — не просто наблюдение. Он оказался внутри чего-то гораздо более опасного, чем предполагал. Может, именно в этом и заклю-

чался настоящий смысл задания? Если бы ему дали более точные указания, он, возможно, смотрел бы в одном направлении и пропустил бы что-то важное.

— А вы докладывали о таких случаях?

Блейк медленно повернулся к нему.

— Мы обязаны вносить отчёты в систему. Но вы же понимаете, как это работает. То, что отправляется наверх, не всегда отражает то, что мы видим здесь.

Артур кивнул. Он знал.

— Я хочу увидеть этих пациентов, — сказал он. — Тех, у кого «не всё так просто».

Блейк посмотрел на него, изучая, потом коротко кивнул.

— Ладно. Вам потребуется пропуск. Я скажу Эмме — она оформит. Моя коллега. Одна из немногих, кто до сих пор верит, что мы здесь не зря. И, к счастью, у неё гораздо больше терпения, чем у меня.

Блейк отвёл взгляд, и Артур впервые заметил, как тяжело ему даётся всё это. Не просто наука, не просто отчёты — что-то глубже, что Блейк держал в себе.

— Вечером в блоке будет менее плотный режим. Я покажу вам, что происходит на самом деле, — добавил Блейк тише. — Но вы должны быть готовы увидеть то, чего не было в вашем задании.

— Я готов.

В тот момент он ещё не знал, что эта встреча станет точкой отсчёта.

Глава 11. Трещина

Я никогда никому об этом не рассказывал. Кроме Эммы. И то — не сразу. Не всё. Она спросила очень аккуратно — между прочим, будто бы просто хотела заполнить паузу. Мы стояли у лифта после какой-то формальной проверки, и она вдруг сказала:

— Ты странно смотришь на исследователей. Будто сам раньше стоял по ту сторону стекла.

Я усмехнулся. Хотел отшутиться, как всегда. Сказать что-то про аллергию на халаты или про травму детства, когда меня забыли в кабинете анализов. Но вдруг понял, что она не просто говорит — она наблюдает. Она чувствует.

Так и сказал:

— Был такой эпизод. Короткий. И не особенно приятный.

Сказал и сразу пожалел об этом. Потому что эта дверь — та, которую я закрыл и заколотил изнутри, — приоткрылась. А сквозняк из прошлого бывает ледяным.

Иногда я думаю, что сломался не в какой-то определённый момент, а понемногу, как стекло, которое сначала трескается изнутри — невидимо, но необратимо, — и постепенно паутина расплзается по нему, пока в один день оно просто не рассыпается на мелкие осколки.

Но если быть честным, момент всё-таки был. Это было лет восемь назад. Я тогда числился в программе приклад-

ного анализа биомеханических рисков. Звучит скучно? Вот именно поэтому на неё никто не обращал внимания. На деле мы занимались тем, что разрабатывали систему прогнозирования устойчивости организма к экзогенным терапевтическим вмешательствам. Если проще — пытались понять, кто и как перенесёт внедрение новых биоструктур, прежде чем их тестировать на человеке. Какой тип метаболизма склонен к отказу, какие мутации могут активироваться, где сработают механизмы компенсации. Всё было на бумаге аккуратно, логично.

Проект назывался «PHASE» — Predictive Human Adaptability Simulation Environment. Громкое название, но мы верили. Я тоже верил. Пока не начались первые отклонения. Ничего драматичного. Сначала — небольшие изменения в иммунном отклике. Потом — повышенная активность в зонах, которые не должны были быть затронуты. Я написал доклад, вызвался лично объяснить риски. Я тогда был моложе, горячее. Верил, что, если ты прав, тебя услышат. Меня не слышали.

— Это модельные колебания, — сказал один из кураторов. — В пределах погрешности.

Я продолжал настаивать. Привёл примеры. Предложил временно отложить внедрение на человеческие модели. Дал расчёты, графики. Подключил коллегу, занимавшегося статистикой, который поддержал меня.

Через два дня нас с проекта отстранили. Формально —

«ротация». Неофициально — мы «тормозили процесс». А через полгода один из первых тестовых добровольцев — молодой инженер, здоровый, крепкий, готовый «двигать науку», — лёг с острой «аллергической» реакцией. Через девять дней умер. Я узнал об этом не от коллег и не от начальства, а из короткой заметки в закрытом техническом отчёте: «Тест-единица Р-006 выбыла. Протокол прерван». И всё.

После этого я не ушёл. Нет. Я остался. Зачем — до сих пор не знаю. Может, потому что боялся, что всё повторится. А может, просто привык — к лаборатории, к людям, к этой жизни.

Я являлся туда каждый день. Делал своё. Писал отчёты. Просматривал графики. Делал вид, что всё нормально. Шутил. Иногда даже смеялся. Но каждый раз, когда видел новое имя в списке «реципиентов», вспоминал того парня. Его глупую веру.

И всё-таки спустя какое-то время я ушёл. Уехал к морю, ничего не делал. Женился. Непонятно зачем. Брак оказался коротким, пустым, ненужным ни мне, ни ей.

А потом появилась эта лаборатория. Появилась надежда, что я ещё могу сделать что-то полезное. Дать людям шанс избавиться от болезней, пусть даже шанс этот был микроскопическим. В итоге у меня остались только эта надежда и желание хоть немного изменить мир.

И снова бессонные ночи, научные испытания, безумное счастье от близости победы над природой, провалы, разоча-

рования.

Иногда мне кажется, что я больше не учёный, а просто архив. Архив ошибок. И я опять думаю: всё к чёрту. Купить билет, уехать куда-нибудь. Жить без стерильных ламп, без диаграмм, без вины. Но потом — снова лаборатория. Снова данные. Единственная отдушина — Эмма с её теплотой, чаем и мягким голосом, рассказывающим про своих девчушек, которые разрисовали обои в детской. И я не уезжаю. Потому что, если уеду, кто останется? И может, я здесь нужен, чтобы ещё один протокол не закончился фразой «единица выбыла»?

— Надо отпустить, — Эмма прервала мои воспоминания, как будто услышав мои мысли. — То, что ты сейчас делаешь, — это гуманно. Пусть всё ещё далеко от идеала, но я верю: мы на верном пути. И... — Эмма взглянула на меня как-то очень глубоко, будто хотела проникнуть в моё сознание, — ты мне нужен. Без тебя я не справлюсь.

Глава 12. Эмма

Эмма приехала в лабораторию задолго до начала рабочего дня. Город только просыпался, и рассвет еле пробивался через лёгкие рассеянные облака, которые укутали улицу, как белое пуховое одеяло. Коридоры ещё не успели наполниться голосами и спешкой. Слышались только ненавязчивый электронный гул приборов и отдалённое потрескивание потолочных панелей, отбрасывавших неровный свет.

Эмма любила приходить первой. Это были её часы спокойствия — до того, как начнётся день, до Блейка с его мрачными шутками, до очередных отчётов и запросов с центрального управления. На столе её уже ждал свежий отчёт по группе С7. Он пришёл ночью — система автоматически загрузила его в архив. Вчера вечером тестирование этой группы завершилось, и она собиралась просмотреть первичные данные до того, как передаст их в аналитический отдел.

Эмма подключилась к системе и начала пролистывать. Температура, давление, стандартные биомаркеры... Всё, казалось, соответствовало норме. Но на третьем листе её взгляд остановился. «Образец 71В. Показатель IL-6: 28.7». Эмма прищурилась. Это было неожиданно. IL-6 — маркер воспаления, и в реабилитационной фазе он должен был быть в пределах 5–7. Никак не 28.7. Она открыла архив предыдущего дня. Тот же образец — «IL-6: 6.1».

— Что за... — пробормотала она, нахмурившись. Эмма открыла анализ крови пациента за последние трое суток. Все показатели были стабильны. Без причины скачок бы не произошёл, и уж тем более такой резкий. Она пересела ближе к экрану, ввела внутренний код доступа и вошла в архивную базу данных. Запросила запись изменений за ночь. Информация отсутствует. Это было невозможно. Изменение показателя было зафиксировано, а значит, должна быть история.

Эмма углубилась во внутренние разделы системы, предназначенные только для сотрудников с расширенными правами доступа. Формально у неё таких полномочий не было, но она знала одну старую особенность системы: после обновления часть архивных шлюзов так и не отключили полностью. Если вручную провести запрос через старый маршрут, некоторые ограничения можно было обойти.

Она попробовала. Сердце стучало быстрее. Не от страха, а от того самого лихорадочного и неприятного возбуждения, которое она давно не испытывала. Экран мигнул. Доступ получен. Она пролистала список и увидела, что файл с исходными данными был перезаписан в 03:17 утра. Автор изменения не указан.

— Этого не может быть, — еле слышно пробормотала она, хотя рядом никого не было.

Кто-то намеренно подменил данные. Всё внутри неё протестовало. Это мог быть сбой системы. Автоматическая перезапись. Всё что угодно. Но Эмма чувствовала: это было

неслучайно.

Она сделала снимок экрана. Ещё один. Сохранила копии в личном закрытом архиве на внешнем сервере, которым никто, кроме неё, не пользовался. Привычка подстраховываться осталась ещё с прежней работы.

Потом встала из-за стола, прошла к кофеварке, включила подогрев, потом снова замерла. Рука сама нащупала медальон на шее — там были фотографии дочерей. Одна вчера нарисовала ей «вирус в клетке» и сказала, что теперь «никто не заболевает». Эмма тогда засмеялась. Сейчас — уже нет.

Она решила пока не говорить начальству. Ни Блейку. Ни Артуру. Никому. Слишком рано. Надо перепроверить, приглядеться и, может, даже проследить, если что-то или кто-то покажется подозрительным.

Глава 13. Наблюдательный блок

Они ехали молча. Город вяз в вечерних пробках, огни машин расплывались по мокрой дороге. В салоне повисло неловкое молчание, и ни один из них не хотел разбавлять его словами. Артур смотрел в боковое окно. Блейк рядом крепко сжимал руль.

— А вы всегда такой молчаливый? — неожиданно спросил Артур.

Блейк не оторвал взгляда от дороги.

— А вы всегда такой наблюдательный?

— Работа обязывает.

— Интересная у вас работа. Следить за людьми. Наверное, требует особого склада характера.

— У вас, похоже, особое отношение к проверкам.

— У меня особое отношение к тем, кто появляется ниоткуда, задаёт много вопросов и при этом делает вид, что это просто так.

— Уверяю вас, если бы я делал вид, что это просто так, вы бы первым это заметили.

Блейк хмыкнул.

— Видите? Вы даже звучите как человек, который пришёл с заданием, но хочет, чтобы все думали, что он просто «на всякий случай».

Артур повернулся к нему.

— А вы — как человек, который так привык жить в напряжении, что уже не отличает союзника от врага.

Блейк, который обычно за словом в карман не лез, почему-то не нашёл, что ответить. Сказать, что потерял веру в людей, было бы неправдой, вернее, полуправдой, поэтому он просто промолчал.

Машина свернула в боковую улицу, где стояло серое пятиэтажное здание — Медико-реабилитационный комплекс.

Блейк припарковался.

— Никаких записей. Никаких вопросов медперсоналу. Только смотрите.

— А если у меня возникнут вопросы? Или мне что-то не понравится?

— Тогда напишите в своём отчёте. Я уверен, его внимательно прочитают.

Артур вздохнул. Он уже начал догадываться, что Блейк не просто резкий. Он из тех, кто однажды поверил, но потом разочаровался настолько глубоко, что теперь доверяет только фактам, и то не всем.

Они подошли к стеклянным дверям. Сбоку на стене — вывеска «Отделение 3». Внутри запах антисептика смешивался с чем-то кислым, медицинским, неприятно забивавшимся в ноздри. Медсестра, не задавая вопросов, пропустила их, кивнув Блейку. Он явно был здесь не в первый раз.

— Здесь находятся пациенты в фазе затяжной адаптации, — сказал он, глядя прямо вперёд. — Те, у кого реакция ор-

ганизма пошла иначе, чем ожидалось.

— То есть — побочные эффекты?

— Мы называем это «нетипичной реакцией». Звучит дружелюбнее.

Он остановился перед дверью в палату.

— Готовы?

— Всегда.

Блейк открыл дверь. Внутри — почти уютная комната. Кровать, монитор, капельница. В кресле у кровати — мужчина лет пятидесяти, худой, с живыми глазами. Он смотрел в окно. Рядом с ним стояла медсестра и записывала что-то на планшете.

— Мистер Гарсия, — сказал Блейк мягко. — Это наш новый коллега, Артур. Он просто посмотрит, хорошо?

Мужчина обернулся. Улыбнулся.

— Конечно. У нас тут не скучно. Особенно по ночам.

— Почему по ночам? — спросил Артур.

— Потому что тогда я начинаю... видеть, — он наклонился ближе, шепча. — Чужие воспоминания. Как будто это не моя жизнь. Люди, лица, которых я не знаю. Я думал, это сон. Но потом понял — это их память. Тех, кто носил эту болезнь до меня.

Артур удивлённо приподнял бровь.

— Простите, что?

— Я получил их воспоминания. Или обрывки. Или сны. Не знаю, как это назвать. Одни страшные. Другие — очень

красивые.

Блейк ничего не сказал. Они вышли, и Артур ещё некоторое время молчал, прежде чем заговорил:

— Это единичный случай?

— Нет. У нас семь подобных. Трое на ранней стадии. Один в изоляции — начал утверждать, что у него «два сознания».

— Вы докладывали?

— Вы же знаете ответ.

Артур сжал зубы. Они шли по коридору. За стенами слышались редкие голоса и шорохи.

— Вы думаете, это началось недавно? — спросил он. — Я имею в виду не только этого пациента, а проблему в целом.

Блейк остановился. Обернулся.

— Я думаю, это началось давно. Мы просто слишком долго делали вид, что всё идёт гладко по плану.

Он хотел добавить ещё что-то, но замолчал. Потом развернулся и пошёл дальше.

А Артур остался стоять. Он понимал, что то, что он сейчас увидел, было серьёзно.

Глава 14. Не значит

Эмма считала себя человеком дисциплины и баланса. На работе — уравновешенная, собранная, внимательная. Там, где другие спешили, она не торопилась — делала всё обдуманно. Там, где возникала путаница, она раскладывала всё по полочкам. Дома — любящая жена, заботливая мама, хороший слушатель и рассказчик, судья в спорах за игрушки. Она умела переключаться, оставляя рабочие мысли за порогом, как снимают обувь.

А ночью — иногда просто женщина, которая хотела тишины. Чтобы никто ничего не просил, не требовал решений, не задавал вопросов. Хотя бы пару часов.

Но в последние дни этот баланс стал зыбким. С того момента, когда она впервые заподозрила подмену данных, что-то сдвинулось. То, что происходило, не просто отвлекало — не отпускало. Оно тянулось за ней домой, в кухню, в разговоры, в редкие минуты покоя.

Сначала она просто сохраняла копии отчётов. На всякий случай. Почти машинально. Потом начала пометать для себя имена операторов, внёсших изменения. Делала это аккуратно, без лишних следов — для себя. В изменённых документах стояло одно и то же имя. Она проверила его по базе сотрудников. Потом ещё раз. Такого сотрудника не было.

Это можно было бы списать на техническую накладку. На

устаревшие данные. На сбой синхронизации. Но когда одно и то же повторяется трижды, это уже закономерность.

Эмма начала вести записи вручную. В блокноте. Старом, обшарпанном, с потёртой обложкой. Такой никто не стал бы воспринимать всерьёз. Блокнот лежал в шкафчике под большой картонной коробкой с чаем. Она даже усмехнулась, когда придумала это место. Слишком просто, чтобы кто-то искал. Но с каждым днём она всё чаще проверяла, на месте ли он.

Сегодня, как только Блейк и Артур уехали в реабилитационный блок, Эмма задержалась. Сеть была загружена слабо. Логи обновлялись с задержкой. Это означало, что можно посмотреть глубже — туда, куда по обыкновению не заходят без особого допуска. Она не спешила. Сначала прошла знакомым маршрутом — задержалась у пары терминалов, перекинулась несколькими фразами с сотрудниками.

Только потом свернула в старый административный сектор и открыла доступ через устаревший интерфейс. Им почти не пользовались. А значит, почти не отслеживали. Экран мигнул, затем появился интерфейс, который она не видела уже несколько лет. Серый, устаревший, без обновлений. Надёжный.

Она ввела параметры поиска и открыла файл с меткой 19-С-Д. Система откликнулась не сразу, и эта пауза показалась ей слишком долгой. Когда файл наконец открылся, стало ясно: что-то не так. Один и тот же образец имел три версии

отчёта. В первой — стабилизация состояния, показатели в норме. Во второй — агрессивное развитие мутации и резкое ухудшение. В третьей — «данные отсутствуют».

Это не выглядело случайностью. Это не выглядело случайностью. Скорее, как попытка стереть следы — неаккуратная, поспешная. Эмма проверила временные метки: разница составляла часы, не дни. Изменения вносились почти в реальном времени.

Она открыла лог доступа. Список был коротким — слишком коротким. Записей должно было быть больше. Она прокрутила вниз, и внизу списка на мгновение появилась ещё одна строка. Имя она разглядеть не успела — строка исчезла прежде, чем она смогла её открыть. Эмма замерла, вернула список к началу, проверила снова. Ничего. Как будто этой записи никогда не существовало.

Она медленно вдохнула. За этим стояло что-то большее. Система, в которой кто-то мог появляться и исчезать, не оставляя следов.

Эмма закрыла файл, затем открыла его снова. Всё осталось прежним, но ощущение изменилось. Будто теперь сама система знала, что на неё смотрят. Она задержала руку над клавиатурой, покачала головой, но пальцы всё равно двигались осторожнее.

Она скопировала данные обходным способом — фрагментами, чтобы не оставить следа. Каждое действие занимало больше времени, но спешка здесь была недопустима. Лю-

бой неверный шаг мог привлечь чьё-то внимание.

В коридоре хлопнула дверь. Эмма вздрогнула и прислушалась. Шаги — кто-то прошёл мимо. Она снова посмотрела на экран. Курсор спокойно мигал в пустой строке.

Она закрыла систему. Старый интерфейс исчез, как будто его и не было. Ещё несколько секунд Эмма сидела неподвижно, затем встала, достала из шкафчика блокнот. Быстро записала: «19-С-Д. Три версии. Разница — часы. Логи неполные». Рука на мгновение замерла, потом она добавила ещё одно слово: «Кто?»

Эмма закрыла блокнот и вернула его на место. Когда она выключала свет, ей на секунду показалось, что экран за её спиной снова вспыхнул. Она обернулась — ничего. Только тёмное стекло и её отражение. Но теперь оно выглядело иначе. Как будто она уже не была просто наблюдателем.

Глава 15. Закон сохранения

Мы возвращались в лабораторию. Снаружи было серо и липко, когда солнце вроде бы есть, но как будто не может решиться — светить или нет. Такая погода была свойственна Сан-Франциско, но никак не Стэнфорду, где в большинстве случаев светило солнце. В машине было тепло, но разговор — холодный.

— Я всё равно не понимаю, — вдруг сказал Артур, глядя вперёд. — Если вы можете извлечь болезнь, если она уже вне организма... почему её просто не уничтожить?

Я почувствовал раздражение. Не потому, что вопрос был глупым — как раз наоборот. Он раздражал, потому что я сам задавал его себе сотни раз. Потому что теоретически это было разумно и казалось простым. Но всё, что мы делали, не срабатывало. Как будто природа с присущим ей спокойным равнодушием говорила: «А вот нет, энергия не исчезает, она превращается из одной формы в другую». И никакая наша новаторская теория не срабатывала.

— Это был первый вопрос, который мы себе задали, — произнёс я, стараясь говорить ровно. — Если можно вынуть — значит, можно и уничтожить.

И мы пытались. Мы были молодые, вдохновлённые. Никто ещё не говорил об «обмене». Все верили, что избавление возможно. Мы разработали капсулу переноса:

герметично закрытый контейнер, в который вводилась извлечённая патология — вирус, опухолевые клетки, мутированные нейроны. Всё шло хорошо. До тех пор, пока мы не попытались удалить содержимое. Первый метод — классическое уничтожение: высокотемпературная обработка, кислотная нейтрализация. Результат: почти всегда образовывались вторичные биоактивные соединения. Некоторые — устойчивые. Один раз мы случайно запустили мутацию в лабораторном фильтре, которая потом жила в колонии грибов полгода. Это был первый тревожный звонок.

Я набрал воздух и продолжил:

— Потом — замораживание, криогенный распад. Думали, это остановит деление. Не вышло. Некоторые структуры адаптировались к экстремальным температурам. Одна из них продолжала слабое биогенеративное поведение даже при семидесяти градусах Цельсия. Мы назвали её «живая тень». Дальше пошли по пути генной дезактивации. Идея была стереть маркеры, сделать патологию «невидимой» для биосистемы. Но через пару недель наблюдали самую жуткую картину: патология «переписывала себя», включались дремлющие фрагменты РНК, которых не должно было быть. Снова провал. Как только мы стирали геномную активность, в 30% случаев включались запасные участки РНК, как будто система была запрограммирована на выживание. Мы не знали — это защита природы или результат её безразличия. Но это было устойчиво.

— Как будто болезнь... не хочет умирать? — переспросил Артур, нахмурившись.

— Да, — сказал я. — Как будто ей не нужно умирать. Её функция — существовать. Она не «живёт», не «думает». Она просто есть. Пока есть биологическая система, способная её поддерживать, — она вернётся.

Я бросил взгляд на Линфорда, стараясь понять, понимает ли он, и продолжил:

— Мы начали понимать, что болезнь — это не изъян природы. Это не паразит, которого можно поймать и раздавить. Она — процесс, встроенный в логику самой жизни. Пока есть живая система, болезнь может к ней адаптироваться.

Артур молчал, но я чувствовал — он смотрит на меня пристально. Слишком внимательно.

— Значит, вы сдались? — спросил он осторожно.

— Нет. Мы сменили подход.

— И решили передавать её другим?

Я сжал руль сильнее, чем нужно.

— Это не сразу стало тем, чем стало. Сначала идея была в балансе. Если кто-то может нести тяжесть, а кто-то — нет, может быть, система найдёт равновесие. Добровольный выбор. Осознанный. Этика, основанная на согласии.

— Но это ведь не работает так.

— Знаю.

И вот тут я почувствовал, как внутри, словно мутная вода со дна, поднимается чувство, которое я всё это время глушил

в себе.

— Я знал, — продолжил я сухо, стараясь не выдать своих эмоций, — что рано или поздно всё это выйдет из-под контроля. Что контракты станут оружием, что справедливость — утопией. Но я продолжал искать. Потому что... а что ещё делать? Мы не смогли уничтожить болезнь. Не смогли избавиться от неё. Место, которое она занимала, словно не хотело оставаться пустым — оно требовало заполнения. Значит, остался только вариант «перенести». И тогда началась эра обмена.

Он ничего не сказал.

— Знаете, — добавил я уже с лёгкой усмешкой, — иногда мне хочется вернуться в ту первую лабораторию. Просто сесть посреди пустого зала и написать на стене: «Мы пытались».

— Это было бы честно, — сказал Артур.

— И бесполезно, — ответил я.

А потом я замолчал. Потому что больше нечего было сказать. Ни себе. Ни ему. Ни этой чёртовой системе, в которой вместо излечения мы научились просто перекладывать боль с одного плеча на другое. И только боль почему-то всегда остаётся прежней.

Я разозлился на себя за своё откровение перед ним. Бросил на него взгляд. Быстрый. Усталый.

— А вы что бы сделали?

Он не ответил. А я продолжил:

— Остановить уже было нельзя. Слишком интересная была идея. Чересчур соблазнительная для сильных мира сего. Я знал, чем это закончится. Это станет бизнесом. Что однажды вместо равного обмена будет рынок. Что бедные будут «продавать» своё здоровье. Что кто-то придумает, как превратить болезнь в капитал. И так и случилось. И, возможно, мой самый большой грех, что я не ушёл, а остался, стал частью этого... — я попытался подобрать подходящее слово, — преступления.

Какое-то время мы ехали молча. Впереди маячили огни лаборатории.

— Мне кажется, вы разочарованы не в науке, — прервал тишину Артур. — А в людях. А остались вы потому, что ещё верите и надеетесь найти решение, как её победить.

Я фыркнул.

— В науке тоже. Но в людях — да. Особенно когда видишь, как они используют знание. Как вырезают из него удобные фрагменты и продают на вес.

Артур ничего не сказал. Он, казалось, что-то анализировал, сравнивал, проверял. И это злило меня. Он не имел права приходить в мою реальность и так спокойно выносить суждения. Он не был в том начале. Не видел того ужаса, когда ты понимаешь, что проиграл природе, этике и здравому смыслу одновременно. И вот теперь сидит рядом, щурится, делает вид, что понимает и поддерживает меня и, возможно, записывает каждый мой ответ. Я не доверял ему. Он был ча-

стью системы, жадной и преступной, которой плевать на людей. А я просто жалкая и бесполезная лабораторная крыса, которая ничего не может изменить.

А ещё он раздражал меня тем, что напоминал меня самого — того, кем я когда-то был. Только с ещё не сожжёнными мостами.

Глава 16. Допуск

Эмма проснулась за десять минут до будильника — редкая роскошь, когда просыпаешься сам. Дом ещё спал. Пол безмятежно дышал рядом, обняв подушку. Где-то в детской девочки ворочались в своих кроватках, но ещё не начали громко требовать мультики, какао или надеть носки другого цвета.

На кухне пахло кофе — автомат отключился по таймеру. Она налила себе чашку, подошла к окну. Стекло было чуть запотевшим, похоже, моросило. Лёгкие капли чуть попугали, но так и не переросли в дождь. «Ну и хорошо. Значит, день будет тёплый», — подумала Эмма. В такие моменты ей казалось, что город делает паузу — не дышит, не торопится.

Эмма нарезала клубнику на мелкие кубики, как любили девочки, а хвостиками украсила тарелку по бокам. Сделала омлет, хотя знала, что придётся выдержать сражение — яйца съедались с трудом. Младшая дочурка категорически отказалась от омлета, зато радостно выдала:

— Мам, сегодня я нарисую тебе микроб! Он будет розовый и добрый.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.